

Запри птицу крови. Останови войну.

КОЩЕЕВИЧ и ВОЙНА

АЛАН ЧАРОИТ

Дивнозёрье

Алан Чароит
Кощеевич и война

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чароит А.

Кошечев и война / А. Чароит — «Издательство АСТ»,
2023 — (Дивнозёрье)

ISBN 978-5-17-155691-4

По легенде, клеть птицы-войны отпирается ненавистью, а запирается только любовью. Но между Дивью и Навью нет любви и мира уже много десятилетий. Их война кажется бесконечной, а реки злобы и споров не собираются иссякать. Но даже в самой жестокой бойне есть место лучу света. Хватит ли его, чтобы остановить кровопролитие?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155691-4

© Чароит А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	42
Глава восьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алан Чароит

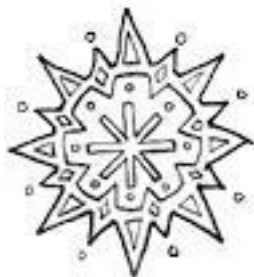
Кощеевич и война

© А. Чароит, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Чистосердечное признание

– О чём замечтался, царевич?

Яромир никак не ожидал, что Радосвет аж подпрыгнет от его вопроса.

– Уф, напугал. Нельзя так подкрадываться!

– Я не подкрадывался, – пожал плечами Яромир. – Просто хотел напомнить, что спать пора. Время уж позднее, а завтра опять вставать ни свет ни заря.

Разведчики донесли, что навьи войска на рассвете планируют наступление. И это было хорошо, потому что дивьи собирались заманить врага в ловушку. Чародей Весьмир придумал план, в котором отряду царевича отводилась роль подсадной утки. Всё должно было пройти без сучка без задоринки, но Яромир не мог не волноваться. А ну как не всё предусмотрели? Война есть война, любая оплошность может стать роковой.

Сперва Яромиру эта затея вообще не понравилась. Наследник у царя Ратибора один, стоит ли рисковать его жизнью? Безопаснее было бы заменить царевича на кого-то из свиты. Да хоть на того же Яромира. Наложить личину, чтобы враг обознался и рванул в погоню. Но Радосвет отказался наотрез. Мол, среди навьих воинов хватает колдунов, которые непременно обнаружат подлог. В этом была доля истины, но Яромир подозревал, что царевичу хочется погеройствовать. И не мог осуждать – сам такой же. Кому охота отсиживаться за чужими спинами, когда на родной земле хозяйничают навьи воины, злыдни и прочие упыри? Струсишь – себя уважать перестанешь. Поэтому он скрепя сердце согласился, что вести отряд должен Радосвет. Дивьи чародеи защитят царевича заклинаниями, а Яромир будет рядом. Коли понадобится, собой закроет лучшего друга.

– Нельзя мне спать... – вздохнул царевич, с тоской глядя на тонкий серп луны в тёмном небе.

– Это ещё почему?

Яромир сперва спросил, а потом хлопнул себя по лбу. Уже не раз ему приходилось грубо расталкивать друга по утрам и даже водой поливать из кувшина – тот никак не хотел возвращаться с Дороги Снов. Зазноба у него там. То есть не на Дороге, а в Дивнозёрье – чудесном мире смертных. И чего только Радосвет нашёл в этой девчонке?

– Я думал, ты уж её забыл. – Яромир, как ни старался, не мог скрыть пренебрежения. – Давненько о ней не вспоминали.

– Потому что она тебе не нравится, – прозвучало обвиняюще.

– Мне всё равно.

– Неправда! – сверкнул глазами царевич. – Ты считаешь, что смертная мне не пара. И между прочим, у неё имя есть: Таисья.

Не хватало только опять поссориться. Яромир вздохнул и промолчал. Ему было что сказать, да не хотелось повторяться.

Радосвет и сам прекрасно знает, что отец ни за что не позволит ему жениться на смертной, пусть хоть трижды прекрасной. Потому что кто прежде девиц из Дивнозёрья таскал? Правильно, Кощей Бессмертный, навий царь. Или князь? А, не важно. Главное, что ныне покойный.

Новый навий правитель Лютогор был полукровкой, плодом любви Кощея и некоей Василисы. Хотя эту связь вряд ли можно было назвать любовью. Поговаривали, что у Кощея не было сердца, и у его отпрыска, разумеется, тоже.

Мудрецы с давних пор говорили: от полукровок добра не жди. И оказались правы. Проклятый Кошечевич развязал войну, наслал на Дивье царство зимние ветра, лишил людей лета. Из-за него многие умерли от голода и холода...

Яромир ещё помнил, каким прекрасным прежде был родной край. А теперь кругом выжженные леса, разрушенные дома, боль, горе и смерть.

– Я люблю Таисью, – насупился Радосвет.

– Знаю. А в детстве, помнится, в Василису ходил влюблённый. Что ж тебя всё на смертных тянет, а?

– Василиса – это другое... – зарделся парень. – Тогда я совсем малой был. А с Таисьей – по-настоящему. На всю жизнь.

– Жизнь смертных коротка.

– Но молодильное яблоко...

– Пф! – махнул рукой Яромир. Обычно он не позволял себе перебивать царевича, но тут был особый случай. – А память у них ещё короче. Вот увидишь: выскочит твоя Таисья замуж, деток нарожает. Круглоухих.

Даже в ночи было заметно, как потемнели глаза Радосвета, и Яромир осёкся. Не стоило этого говорить. Ещё и в ночь перед боем.

Он сбавил тон:

– Прости. Я за тебя волнуюсь. Боюсь, эта девчонка разобьёт тебе сердце. А царевичу надобно о стране думать. О наших людях.

Радосвет открыл рот, набрал воздуха, но в последний момент передумал говорить, отвернулся. Обиделся, значит.

Яромир готов был врезать себе по лбу. Кто его за язык тянул, спрашивается? Привычка резать правду-матку в лицо – его дар и его проклятие. Но слово не воробей...

– Я должен тебе кое в чём признаться... – изменившимся голосом произнёс Радосвет.

Он избегал смотреть другу в глаза, и Яромир насторожился. Что там ещё?

– Только отцу не говори, ладно?

– Не скажу.

Воцарилась гнетущая тишина. Было слышно только, как в поле свистит ветер и хлопает плохо закреплённый край шатра. Яромир даже дышать забыл. Только когда в груди стало больно, опомнился и сделал вдох, за которым едва расслышал тихий голос царевича:

– У меня есть дочь.

Под Яромиром качнулось бревно, на котором он сидел.

– Что?!

– И она полукровка.

– Это какая-то шутка?

– Нет. – Царевич резко развернулся. Его веснушчатое лицо было очень серьёзным. – Этого никто не знает. Только ты.

Яромир отвязал с пояса флягу, вытащил пробку и сделал мощный глоток. Дивья бражка обожгла горло. Отдышавшись, он протянул флягу товарищу.

– Как это случилось?

– Тебе рассказать, как дети делаются? – фыркнул Радосвет и тоже выпил.

Яромир замотал головой. Он не желал знать подробностей.

– Я хотел спросить: когда только успели?

– Это важно?

– Пожалуй, нет.

Что там обычно говорят в таких случаях? Поздравляют? Но, с точки зрения Яромира, поздравлять друга было не с чем. Подумать только: дочь-полукровка! Хорошо, что не сын. Царь Ратибор нравом горяч и на расправу скор. Узнает – даже прибить может.

– Её зовут Аннушка, – улыбнулся Радосвет.

– Зачем ты мне вообще это рассказываешь? – Яромиру вдруг стало холодно. Не помогали ни меховая душегрейка, ни шерстяной плащ. Он обхватил ладонями локти, стараясь согреться.

Царевич ответил не сразу:

– Я устал держать всё в себе. Хоть мы и не во всём соглашаемся, но ты мой лучший друг. И я хочу попросить тебя об одолжении. Если со мной что-нибудь случится... ну, ты понимаешь. Не оставь Таисью и Аннушку.

– Да ничего не случится. Я защищу тебя! И мне не нужно будет говорить с твоей смертной и с её... то есть с вашей дочерью. С ней и не поговоришь толком. Она ведь, небось, ещё пелёнки пачкает? – Яромир пытался говорить беззаботно. Получалось плохо.

– Смертные взрослеют быстрее, забыл? Аннушке сейчас двенадцать. По нашим меркам это как четыре десятка или около того. Представляешь, однажды она станет старше меня! – Радосвет усмехнулся. Впрочем, как-то невесело.

Яромир такого не представлял и даже представлять не хотел. Ему было неловко, словно он самолично за Радосветом и его ненаглядной Таисьей в щёлку подсматривал. Неприятное чувство. Его наверняка не было бы, окажись эта девушка из дивных.

– На кого хоть малая похожа?

Не то чтобы Яромира и впрямь это интересовало. Спросил, чтобы не молчать.

Взгляд Радосвета потеплел:

– На Таисью. Такие же чёрные косы. А глаза – мои. И уши тоже.

– Острые? Ох, нелегко будет девчонке...

– Почему это?

– Потому что люди не любят тех, кто от них отличается.

– Значит, поэтому ты и не любишь смертных? – вздохнул Радосвет. – Они не такие, как мы.

– Эй, я ничего не имею против смертных, пока они там, а мы тут! Мне интересно, как они живут. Даже немного завидую, что ты побывал в Дивнозёрье, а я нет.

Яромир ничуть не покривил душой. Ему и впрямь было любопытно. И он бы с удовольствием заглянул в вязовое дупло, соединяющее миры, если бы представился такой случай. Но пока они с Радосветом были маленькими, дупла стояли закрытыми (как позже выяснилось, Лютогор постарался), а сейчас стало не до того: война.

Царевич будто подслушал его мысли:

– Вот закончится война, вместе сходим. Я тебя со своими познакомлю. Глядишь, и твоё мнение изменится. Кровь не так уж и важна. Главное, чтобы человек был хороший.

– Может быть.

Яромир сказал это, только чтобы успокоить Радосвета. Как ни крути, а мудрецы знают, что говорят. Если они считают, что кровь смертных не должна смешиваться с кровью жителей Волшебной страны, значит, так оно и есть. И Лютогор – лучшее тому подтверждение.

С Кошечевичем Яромир никогда не встречался, но ненавидел его всей душой. Ведь именно из-за этого негодяя они с сестрицей Радмилой остались сиротами. Лютогор вморозил их родителей в нетающий синий лёд, когда те пытались защитить Светелград. Страшное заклятие превратило мать и отца в безмолвные статуи, которые царь Ратибор не позволил отвезти

в фамильный склеп. Во дворце нашлись покои, чтобы устроить усыпальницу, но Яромиру запретили туда входить. Мол, заклятие слишком сильное, можно самому обратиться в стылый лёд. Мало-помалу черты родителей стёрлись из памяти. Яромир помнил светлые шелковистые локоны матери, тепло её рук и запах колдовских трав. От отца остались суровый голос, жилистая ладонь, одобрительно хлопавшая сына по плечу, и меч – семейная реликвия.

Радмила была немногим старше, но воспитала брата, заменив ему обоих родителей. Яромир в ней души не чаял и всегда старался на неё равняться. Сестра лучше стреляла из лука, лучше сражалась. Помнится, едва в невестин возраст вошла, а её уже уважительно величали воительницей. Все царские дружинники за ней бегали, в женихи набивались, но Радмиле никто не полюбился. Сам воевода Баламут к ней сватался – и то не пошла. Отшутилась, что питает страсть только к ратному делу. За несговорчивый нрав её даже прозвали Северницей – так в Дивьем царстве называли самую суровую зимнюю бурю.

Завтра сестре предстоит вести в бой второй отряд – тот, что окружит врагов, погнавшихся за царевичем Радосветом. А если повезёт, даже пленить самого Лютогора. Жаль, убить его не получится: бессмертный, гад. Как и его папаша Кощей. Пока же Радмилины воины скрываются в низине за Вороньим холмом.

Яромир не сомневался, что сестра справится, о чём не преминул сказать ей ещё третьего дня, когда они достигли развилки, где пути отрядов разошлись. Радмила, улыбнувшись, кивнула, но украдкой всё же сплюнула через левое плечо, чтобы не сглазить. Никто, кроме Яромира, и знать не знал, что суровая Северница перед каждой битвой волнуется, как в первый раз...

Радосвет молчал и грел руки дыханием. Над Вороньим холмом занимался рассвет, и вместе с заревом на небе в сердце Яромира разгоралось предвкушение славной битвы. Планировалось столкнуться с противником в расселине, немного посопротивляться для вида и отойти. Пусть Кошечевич и его прихвостни думают, что дивьи люди решили отступить. Радоваться им придётся недолго – пока Радмила не ударит с тыла.

Третьему отряду под предводительством Баламута пришлось отойти подальше – за воеводой пристально следили навьи соглядатаи. Яромиру хотелось верить, что тот подтянется уже к шапочному разбору, когда всё будет сделано. На его долю подвигов уже хватит. Пора дать дорогу молодым.

Ещё примерно час – и начнётся.

– Теперь ты задумался. Плохое предчувствие? – Радосвет сказал это будто с упреком, и Яромир поспешил заверить его:

– Я тебе что, ворона-вещунья, чтобы каркать? Всё будет хорошо. Я гадал.

– Жаль, что гадатель из тебя так себе.

Это было чистой правдой. Вот мама умела и предсказывать судьбу по полёту птиц, и камешки раскидывать, и в чашу смотреть. Недаром она была верховной чародейкой Светелграда. Как же её не хватало... не только Яромиру – всему Дивьему царству.

– Радмила придёт вовремя, не сомневайся, – улыбнулся он.

– В ней-то я не сомневаюсь.

– А в ком тогда?

– В себе. – Радосвет вздохнул и тут же всполошился. – Только не подумай, я не трус!

– И в мыслях такого не было!

Яромир снова протянул царевичу флягу, но тот отказался:

– Сегодня мне нужна ясная голова. Знаешь, о чём я думал?

– Опять о Таисье? – Яромир не удержался от тихого смеха.

– Не угадал. О мире без войны. Я тут посчитал: в моей жизни было больше ратных дней, чем мирных. Сначала с Кошеем сражались, теперь с его сыном. Пара десятков лет передышки – это так мало.

– Но лучше, чем ничего.

– Кстати, а ты слышал сказку про Птицу-войну?

От такого внезапного перехода Яромир вздрогнул. Что творится в голове у его друга?! Мысли скачут с одного на другое, когда нужно полностью сосредоточиться.

– Я не люблю сказки, – буркнул он.

Но Радосвет, словно не слыша, продолжил:

– Говорят, она живёт в серебряной клетке у самой Смерти. Клетка заперта на замок, а ключ спрятан где-то в подлунном мире. Когда кто-нибудь находит ключ, клетка открывается, и птица вылетает. Так случаются войны.

Яромир недоверчиво покачал головой:

– Будь всё так просто, можно было бы найти тот ключ и спрятать его так, чтобы никто никогда не нашёл.

– Я не говорил, что всё просто. Это ведь не амбарный ключ и даже не потайной, как у отца в сокровищнице, а зачарованный.

– И что же это за чары такие?

– Ненависть. – Радосвет помассировал виски так, будто у него начинала болеть голова. – Клетка Птицы-войны отпирается ненавистью. А закрыть её может только любовь.

Яромир в задумчивости почесал кончик уха:

– Я не понимаю... Вот я люблю Дивий край, люблю сестру и тебя, моего лучшего друга. Вьюжку тоже люблю, хотя он тот ещё балбес и по ночам гавкает. Как это поможет остановить войну?

– Наверное, твоей любви слишком мало.

Яромиру отчего-то показались обидными слова царевича. Он развёл руками:

– Ну, извини. Уж сколько есть. Когда нападают – я беру меч. Когда оскорбляют – отвечаю. Или ты хочешь, чтобы я простил Лютогора? После всего, что он сделал с моей семьёй?

Кулаки сжались сами собой. В детстве Яромир, бывало, мутузил Радосвета. Теперь он ни за что не осмелился бы поднять руку на царевича, но встряхнуть друга порой хотелось. Чтобы не говорил ерунды!

– Нет, прощать нельзя, – мотнул головой Радосвет. – А вот если бы тот раскаялся...

– Держи карман шире! – Яромир сплюнул в снег. – Готов поспорить, это не твои мысли, не твои слова. Признайся, за кем повторяешь? За своей Таисьей небось?

– Да что ты к ней прицепился, как репей? – беззлобно фыркнул царевич. – Про Птицу-войну мне Весьмир рассказывал. Он могущественный чародей и мудрый человек. Мне кажется, к его словам стоит прислушаться.

– Этот мудрый человек тебя в ученики не взял. – Яромир напомнил о больном, и Радосвет, повесив нос, пробормотал:

– Может, и правильно сделал. Не даётся мне волшба, хоть тресни.

Ну вот, опять расстроил друга...

– Будущий царь и без этого запросто может обойтись. Вон у твоего отца моя матушка при дворе чародействовала. И ты себе кого-нибудь найдёшь. Радмилу, например. С ней хоть на войну с Кошечевичем, хоть к горынычу в пещеру. У меня самая лучшая сестра на свете!

Парень осёкся, но было уже поздно: Радосвет ещё больше помрачнел. У него тоже была сестрица Ясинка. Та ещё злодейка. Изводила младшего брата, как могла. Только когда её замуж отдали в чуждадельные земли, царевич вздохнул свободно.

Яромир хлопнул друга по плечу:

– Ладно, не будем о грустном! Есть ли какие весточки из Светелграда от царя и царицы?

– Давеча прилетала от матушки птичка, – улыбнулся Радосвет. – Все держатся. Отец проследит, чтобы защитные чары подновили, да к нам вернётся.

– Он уже который месяц так говорит! – вырвалось у Яромира.

Нет, он вовсе не думал, что Ратибор отлынивает от войны и прячется за высокими стенами столицы, но предпочёл бы видеть царя во главе войска. Это воодушевило бы всех.

Царевич понял невысказанные сомнения и тихим голосом вступился за отца:

– Не может он сейчас. Матушке нездоровится. Как тут уедешь?

Яромиру показалось, что Радосвет сам не очень верит в то, что говорит. Он затруднялся сказать, когда между царём и его наследником что-то разладилось. Но былая теплота ушла. Может, Ратибор подозревал о чувствах сына к смертной девице?

– Когда вернётся – непременно поговорите, – посоветовал он.

Радосвет открыл рот, похоже, собираясь возразить, но тут рассветную тишь прорезал звук рожка. Тревога!

Друзья вскочили, выхватили мечи. За шатром мелькнула тёмная тень, и Яромир бросился следом, увлекая царевича за собой. Разделяться нельзя. Царевич должен быть всегда на виду. Яромир за него головой отвечает.

Снег пестрел следами. Кто бы там ни был, ему не уйти!

Яромир вывернул из-за угла. Из горла вырвался судорожный вздох.

– Что за... – начал было Радосвет и осёкся.

У соседнего кострища вповалку лежали их brave ребята. Дюжина человек, может, больше. И снег под их телами пропитался алым.

В тот же миг тишину разорвали надрывный лай псов, звон мечей, стоны и крики. Вторая дюжина собиралась дорого продать свою жизнь, однако воинов в чёрных плащах было больше. Дивьи готовили ловушку, но сами в неё угодили. Наверняка не обошлось без навьего колдовства.

– Мы должны помочь Душице и её братьям! – Радосвет рванулся вперёд, но Яромир удержал его за плечо:

– Мох, Соловей и Горностай – отличные воины. Для них будет честью защитить своего царевича.

Радосвет хотел было возразить, как вдруг раздался зычный голос Душицы:

– Берегись! Кошечич здесь!

– По коням! – вскричал Яромир, не слыша собственного голоса из-за стука крови в ушах. – Уходим!

Царевич больше не думал сопротивляться. Отвязав повод, он вскочил на своего Гнедка, а Яромир взял первого попавшегося скакуна – серого в яблоках. Кони помчались в поля, взрывая копытами рыхлый снег. Краем глаза Яромир успел увидеть, как какой-то навий воин ударил Душицу рукоятью меча прямо в лицо. В тот же миг под ноги сестры рухнул Горностайка – самый юный воин из их отряда.

Делать нечего – придётся отступать вдвоём, оставляя друзей позади.

Ох, только бы Радмила успела!

Глава вторая

Заколдованный круг

– Значит, это и есть Северница? – Навий княжич Лис, более известный как Лютогор, Кошечев сын, одной рукой придерживая поводья, взирал на битву с холма. – Я ожидал девицу-поленицу увидеть. Богатырку. А это что за соплячка?

Он, конечно, лукавил. Девица была ладная и сражалась так легко и грациозно, словно танцевала.

– Не признал? – хмыкнул стоявший рядом с ним советник Май. – Это, между прочим, старшая дочь Лады-защитницы. Той самой, которую ты в ледяную статую превратил.

– И поделом, – буркнул Лис, отворачиваясь. – Сколько крови она нам испортила! А теперь, значит, дочка продолжила дело матери.

– Северница больше воительница, чем чародейка. Мне докладывали, что в колдовском искусстве ей до Лады как до луны.

Лис с досадой отмахнулся:

– До чего ж ты порой нудный, Май! Я не то имел в виду. Чую, хлебнём мы ещё горя её стараниями. Куда только соглядатаи смотрели, а? Выскочила откуда ни возьмись и давай бить наших.

Советник привстал на стременах, поморщился:

– Не пойму, ты злишься или восхищаешься?

– И то и другое. Чего рожу кривишь? Нога опять болит?

– Нет, – быстро ответил Май и опустил взгляд. Стало быть, соврал. – Эх, не поймать нам волчонка!

Ещё и тему сменил. Точно врёт. Хотя в остальном прав: Радосвета они упустили. Лис знал, что дивьи заманивают навий отряд в ловушку, и, казалось, всё предусмотрел. Птица-победа была близка – руку протяни, и ухватишь за хвост. Но Северница спутала все планы. Теперь её люди теснили навьих.

– Эй, ты куда собрался?! – прикрикнул на него Май.

Ишь, глазастый! Рука Лиса едва напружилась на поводьях, а советник уже раскусил его намерения.

– Спустишь, посмотрю поближе.

– Сколько раз тебе повторять: не лезь в гущу сражения. Не княжеское это дело.

– Пф! Я бессмертный, что мне сделается? – повторил Лис заученную отговорку. – Да и Шторм-конь не даст пропасть. Чуть что не так, улетим в небо. Ребятам помочь надо.

– Вот и помогай. Пой заклинания отсюда. Или боишься, что не услышат?

Вот это было обидно. На силу голоса Лис никогда не жаловался. Пел так сладко, что звери лесные и те замирали. Складывал слова в заклинания, как опытный каменщик камни, и всегда добивался своего. Никто не мог противиться силе его голоса.

Враги, конечно, об этом знали и боялись песенных чар. Лис долго смеялся, когда узнал, что многие дивьи перед боем вставляют в уши затычки из воска и оттого не слышат не только колдовских песен, но и приказов своих командиров. Вот болваны!

Он надеялся, что с такими бестолковыми противниками война долго не продлится, однако ошибся. Поначалу наступление шло семимильными шагами, и дивьи бежали, поджав хвост. Но стоило навьему войску дойти до дремучих дивьих лесов, и всё изменилось. Местные знали здесь каждый холм, каждый кустик, они могли появиться будто из ниоткуда и исчезнуть в никуда.

Сперва Лис храбрился: мол, даже Кошечеево войско так близко к дивьей столице не подходило. Потом стали кончаться припасы, и гордость уступила место беспокойству. В окрестных деревнях взять было особо нечего – Лис ведь сам устроил вечную зиму в Дивьем царстве, сговорившись с братьями-ветерками. И те исправно дули, промораживая до костей что дивьих, что навьих воинов без разбору. Холодов в Нави не боялись – чай, не неженки какие-нибудь. А вот холод и голод разом заставили Лиса трубить отступление.

В следующий раз он выторговал у ветерков оттепель (можно было настоять, но Лис предпочёл договориться по-хорошему и пожаловал Вьюговею за услугу справные сапоги). В Дивьем краю воцарилась погода, типичная для навьего марта. Воины Лиса, почуяв запах весны, приободрились. Поставки продовольствия были налажены. Казалось бы, скоро конец войне? Ан нет.

Возможно, всему виной чары Защитницы? Когда Лада обратилась в лёд, они должны были рассеяться. И вроде даже рассеивались, но как-то медленно.

Лис чувствовал, что они с войском увязли в Диви, словно мухи в меду. Дни складывались в седмицы, седмицы – в луны, луны – в года, а до победы было далеко.

Лис злился, срывался на упырях (ещё более бестолковых, чем дивьи воины), орал на них в чём не повинного Мая, пока однажды тот не огрызнулся в ответ:

– Ты сейчас ведёшь себя как тот, кого ты просил при тебе не упоминать!

Как Кошечей то есть.

В тот день Лису очень хотелось залепить Мая затрещину, но он сдержался. Потому что отец непременно бы залепил.

С советником они потом помирились, но осадок остался. Лис уже не раз ловил себя на том, что делает что-то Мая назло. Вот как теперь.

Он пришпорил Шторм-коня и понёсся с холма так, что ветер свистел в ушах.

В спину донеслось:

– ...огнепёскам тебя под хвост!

Начало фразы Лис не расслышал. Может, и к лучшему.

С калечной ногой да на смирной лошадке Мая за ним ни за что не угнаться, так что на некоторое время Лис будет свободен от нравоучений и недовольных взглядов.

Как же злит, что Май порой ведёт себя как желчный старикашка! А они ведь ровесники. Не птенцы, но слётки, как сказал бы старый советник Кошечей дядька Ешэ. Где он сейчас, интересно? Вот от чьего мудрого совета Лис не отказался бы...

Шторм-конь прыгнул и спланировал со склона холма, паря невысоко над землёй. Лису нравилось чувство полёта. С тех пор как он однажды вселился в своего ручного воронёнка Вертопляса и долетел аж до Дивьего царства, тоска по небу не оставляла княжича. Но Вертопляс не горел желанием повторять подвиг – заклятие соединения разумов и впрямь было опасным. Да и Шторм-коню в ближайшем будущем предстояло вернуться в стойло. Чтобы скакать на нём вволю, чудесного жеребца нужно было кормить золотыми яблоками, которые росли только в Диви. А молодильные яблони вот уже который год не плодоносили из-за колдовской зимы. Дядька Ешэ сказал бы: «Наворотил бед – ни себе, ни людям».

Княжич помотал головой, не соглашаясь с воображаемым советником. Да, Навь тоже терпит лишения. Война – это для всех плохо. Но они справятся, потому что сражаются за правое дело. Пускай дивьи говорят, мол, злой Кошечевич вероломно вторгся... Для простых жителей, может, всё так и выглядит. Они же не знают, сколько попыток переговоров загубил их зловерный царь Ратибор. Сколько оскорблений Лис от него выслушал, сколько подосланных убийц вывел на чистую воду...

А ведь он всего-то просил, чтобы Ратибор одолжил ему перстень Вечного Лета. Умолял даже. Но царь оказался подозрительным и жадным. Теперь из-за этого страдают ни в чём не повинные люди. И отступать поздно – уже только победа или смерть.

Смерть, кстати, тоже была рядом. Где же ей ещё быть, как не на поле боя? Незримая для всех, кроме Лиса, она без устали трудилась, обрезая разноцветные нити жизней своим серпом. Сейчас красавица Марена (которую, между прочим, зря величают курносой) реяла за плечом Северницы и улыбалась. Ещё так по-заговорщицки подмигивала княжичу, будто намекала на что-то. Может, на то, что с девицей-воительницей пора заканчивать?

Лис откашлялся и запел боевое заклинание, которое совсем недавно придумал и как раз хотел испробовать в деле:

«Тот, к кому прикоснусь дланью или клинком, станет верных друзей принимать за врагов. И пока не погаснет закат за рекой, будет бить и рубить, не щадя никого».

Конечно, его голос услышали. И наверняка узнали. Кто-то закричал: «Бей его!» – и Лиса немедленно атаковал дивий воин. Надеялся сшибить с коня, но княжич увернулся, шлёпнул воина по плечу клинком плашмя и ухмыльнулся вслед. Однако, вопреки его ожиданиям, враг развернулся и снова пошёл на него. Заклинание не сработало. Мечи ударились друг о друга, и у Лиса зазвенело в ушах. Что же пошло не так?

Замахнувшись для ответной атаки, он понял: надо было касаться не одежды, а тела. Пока думал, они опять успели разъехаться. Но дивий воин не собирался сдаваться. Конечно! Царь Ратибор за навьего княжича такую сумасшедшую награду назначил, что теперь всякий мечтал его пленить.

На третьей сшибке Лис не оплошал и ранил противника в плечо. То есть как ранил – скорее, царапнул. Но этого хватило. Дивий воин охнул и остановил коня, ошалело озираясь. Его глаза потемнели, становясь почти чёрными, будто навьими, рука с мечом обессиленно упала.

Враг мотнул головой, пытаясь стряхнуть морок. Потом неестественно выпрямился в седле, словно оглоблю проглотил, кивнул Лису и с гиканьем понёсся на своего товарища, спешившего на помощь. Княжич успел увидеть удивление в глазах несчастного прежде, чем лицо воина залила кровь. С чарами всё в порядке. Значит, нечего больше жаться с краю! Лис ворвался в самую сечу, размахивая мечом направо и налево. Он успел околдовать ещё троих до того, как ему наперерез бросился всадник на небольшой пегой лошадке. Даже не видя лица противника, княжич узнал его по шуплой фигуре и заорал:

– Весьмир! Иди сюда, трус!

– И тебе не хворать, Кошечевич. – Дивий чародей осадил лошадку, и та послушно остановилась. Шторм-конь под Лисом презрительно фыркнул. Он-то от такого обращения наверняка встал бы на дыбы и попытался бы сбросить седока.

– Опять будешь бить исподтишка или всё-таки сразишься со мной лицом к лицу, как подобает честным людям? – скрипнул зубами княжич.

Тут было отчего злиться. По милости этого дивьего чародея он десяток лет пролежал без головы. В прямом смысле слова. Весьмир гостил в замке, наобещал Лису с три короба, а потом отплатил злом за доверие и радушие.

Весьмир начертил в воздухе круг и зычно крикнул:

– Крепче камня слово моё: нашу тяжбу решим вдвоём.

Дивьи воины отхлынули, словно волна от берега, а Лис ахнул. Это были не просто слова, а вызов на божий суд.

Битва продолжилась за пределами круга, даже её звуки стали тише. Они остались друг против друга. Древние поединки чести предполагали, что из круга выйдет живым только один. Тот, кто прав. А правым княжич считал себя.

– Во-первых, я хотел бы принести извинения... – начал Вёсьмир, и Лис аж подавился. Проглотив ритуальную фразу, с которой обычно принимался вызов, он едко поинтересовался:

– И за что же?

– Ты знаешь, за что.

– Нет уж, ты вслух скажи, – нахмурился княжич.

Ладонь, сжимающая рукоять меча, аж зудела. В мыслях он перебирал сотни заклинаний, которые хотел бы обрушить на голову заклятого врага.

– Я поступил очень плохо. – Вёсьмир покаянно опустил взгляд. – Мой грех, мне и отвечать. Наверное, ты не поверишь, но я сделал это ради Василисы. И ради тебя.

– Ради меня отрубил мне голову?! – расхохотался Лис. – Не лукавь. И не приплетай сюда мою матушку. Ты просил отсрочку для Ратибора, а не получив желаемого, взял дело в свои руки, поправ законы гостеприимства. Это было подло!

Вёсьмир дёрнулся, как от пощёчины. Потом набрал воздуха, открыл рот и закрыл его, не возразив.

Лис подождал некоторое время и, ничего не дождавшись, зло выплюнул:

– Извинения не принимаю. Выкуси! – И показал чародею кукиш. – А теперь давай драться, раз уж ты меня вызвал.

– Но я не собираюсь драться с тобой. Сейчас мы можем поговорить с глазу на глаз только так, в круге. – Голос Вёсьмира, обычно бодрый, стал тусклым и каким-то надтреснутым. – Я думал, что смогу убедить Ратибора одолжить перстень, если на время выведу тебя из игры. Ты же знаешь, Василиса мне дорога, я тоже хочу спасти её.

Лис был уверен, что теперь вражий чародей говорит правду, но вслух усомнился, чтобы ударить побольнее:

– И почему я должен тебе верить?

– Просто выслушай, о большем я не прошу.

– Ладно. Если ты пришёл не для поединка чести, то для чего?

– Мы ещё можем остановить войну.

– Ага. Если Ратибор отдаст мне перстень.

– Но он не отдаст.

– Тогда выкради перстень, принеси его мне, и война закончится. По-моему, отличный план.

– Есть идея получше.

– Получше – это если ты вдобавок Ратибора убьёшь! – хохотнул княжич.

– Именно об этом я и хотел поговорить. Поможешь мне?

Вёсьмир облизал пересохшие губы, а Лис вытаращился, не веря своим ушам:

– Не понимаю, о чём ты...

– Всё ты понимаешь, чай, не дурак.

– Значит, хочешь предать своего царя и предлагаешь мне принять участие в заговоре? –

Княжич сказал это таким ледяным тоном, что Вёсьмир заёрзал в седле.

– Вроде того.

С одной стороны, предложение было заманчивым, а с другой...

– Нет. – Лис тронул поводья, разворачивая Шторм-коня. – Второй раз я не куплюсь на твои уловки.

– Клянусь, на этот раз никаких уловок!

– Твоим клятвам – в базарный день грош цена. Но даже если ты говоришь правду, я не хочу иметь с тобой дело. Тот, кто предал однажды, предаст и второй раз.

Последнюю фразу он бросил уже через плечо.

Не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать, как Весьмир вспыхнул от гнева. Колдовской круг сузился, воздух затрещал.

– Я Ратибору не присягал! – выкрикнул Весьмир Лису в спину, но тот и ухом не повёл. Прошлые поступки дивьего чародея говорили сами за себя. Вряд ли хотя бы одним из них можно было гордиться.

Княжич подъехал к границам колдовского круга, когда Весьмир снова вскричал:

– Ты знаешь, что Ратибор собирается убить своего сына?!

– Царевича Радосвета? – Лис всё-таки не выдержал, обернулся и едва не хлопнул себя по лбу от досады.

Во-первых, если уж решил уезжать, не надо было идти на попятную. Во-вторых, вопрос получился до крайности глупым. Конечно, Радосвета, кого же ещё? У царя только один сын.

Чтобы сгладить неловкость, он, нахмурившись, процедил сквозь зубы:

– Что ж, спасибо за эту ценную весть. Значит, нам незачем брать царевича в полон. Выкуп за него не получишь.

– Радосвет молод, но может стать хорошим правителем, – торопливо заговорил Весьмир. – А ещё помнишь: он дал слово помочь твоей матери. Будет новый царь в Диви – будет тебе волшебный перстень. Василиса проснётся. В наши земли вернётся мир. Мы оба хотим одного.

Больше всего Лис сейчас хотел свернуть ушлому чародею шею.

– Радосвет дал тебе право говорить от его имени?

– Царевич ничего не знает. Он слишком благороден, чтобы замышлять против родного отца.

– Поэтому ты решил взять грязную работёнку на себя. Ой нет, ошибочка вышла: свалить её на меня – таков был план? Я Кошечевич, а значит, достаточно бесчестен, так?

– Не так... – Ответ Весьмира прозвучал еле слышно. – Мы давно увязли в грязной игре, Лис. Я сделал много такого, о чём сожалею. Но, если мне придётся совершить подлость, чтобы прекратить войну и вывести всех нас к свету, я пойду на это. Моя совесть – невысокая цена за мир.

– Да нет у тебя никакой совести! – фыркнул княжич.

– Просто выслушай, прошу. Ты убедишься, что план неплох.

– Пришли мне птичку-восточку, пусть начирикает.

Конечно, это была отговорка, и Весьмир это прекрасно понял.

– Какой же ты упрямый. Весь в мать.

– В последнее время мне чаще говорят, что я похож на отца, – вскинул подбородок Лис. Дивий чародей покачал головой:

– Ты не злой. Просто обижен на весь мир.

– Хороший каламбур, кстати! – усмехнулся княжич. – Весьмир – весь мир. Я обижен на тебя, это правда.

– Знаю, я поступил как последний негодяй.

– Это ещё слабо сказано!

– Но я извинился.

– И что? Теперь я должен броситься в твои объятия?

Налетевший порыв ветра сбросил с Весьмира капюшон, и пряди мышинного цвета упали на лицо.

– Наверное, этот разговор оказался преждевременным. Продолжим в другой раз.

– От поединка, значит, отлыниваешь? Сам вызвал, а теперь в кусты?

Лис хотел добавить ещё парочку колкостей, но замолчал и насторожился, почувствовав, как границы круга колеблются.

– Что за?.. – Для чародея, похоже, это тоже стало неожиданностью.

Послышался гулкий звон, будто ударили в колокол, и круг разомкнулся сразу с двух сторон.

За спиной Лиса возник взволнованный Май. Его лицо покраснелось, волосы – чёрные с одной седой прядью – липли ко лбу, глаза смотрели ошалело:

– Княже, я с тобой! Прорвался наконец-то!

Хм... Пожалуй, Лис был не прав, когда записал Мая в посредственные колдуны. Ворваться в чужой круг не каждому под силу. Впрочем, ему помогли – с противоположной стороны в разрыв въехала Северница. Увидев Вёсьмира живым и здоровым, она с облегчением выдохнула, а потом вперила в Лиса острый, как нож, взгляд:

– Ты кто таков?

Ну да, они же не представлены. В последний раз, когда виделись, Лис был в облике вороны, а воительница, тогда ещё девчонка, пыталась его подстрелить.

– Едем, Радмила. Мы тут закончили! – скомандовал Вёсьмир, но девица не послушала:

– Скажи, это он?

– Едем, говорю.

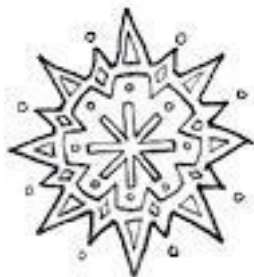
– Я с места не двинусь. Он или нет?!

Пришлось брать дело в свои руки. Лис лучезарно улыбнулся:

– О доблестная воительница, вы, наверное, обознались! Меня зовут не Он, а Лис. Вёсьмир, чего ты встал столбом? Представь нас, раз уж у тебя не колдовской круг, а проходной двор какой-то.

Глава третья

Военные потери

Яромир, едва вошёл в шатёр, сразу понял: хороших новостей не жди. Глаза у Радосвета покраснели, веки опухли – значит, плакал.

В детстве порой бывало, что царевич распускал нюни по пустякам, но потом он научился держать лицо. Во время войны Радосвет не раз воодушевлял людей своим спокойствием и рассудительностью, продолжая улыбаться, даже когда у самого на душе скребли когтистые коловерши. Один Яромир знал, насколько у него чувствительное сердце. Ну ладно, ещё Радмила догадывалась – как-никак все трое были друзьями детства.

– Что случилось? – Яромир хотел бы, чтобы в голосе прозвучали тепло и забота, но опять не вышло. Вот рывкнуть на кого-нибудь – это всегда пожалуйста, а проявлять сочувствие он не умел.

– Дядька Баламут погиб, – шмыгнул носом царевич.

– Воевода? Ох, как же так?..

– Говорят, упыри напали на одного. Видать, всё-таки цапнули.

Дальше можно было не продолжать. Укус упыря означал верную смерть – если, конечно, не хочешь переродиться мерзким кровососом, который пляшет под гусли Кошечевича.

– Баламут был достойным воином. – Яромир не знал, что ещё сказать.

– Да. Как и его сыновья Переслав, Добродел, Владигор...

– Владигор тоже? А я ему бочонок бражки проспорил и не отдал. Ух, навья падаль!

Глупо было думать о выпивке, когда потерял друга. Но непрошенные мысли сами лезли в голову. Ещё вчера вы стучали кружками о стол, горланили песни и хвалились друг перед другом новыми поножами, а сегодня неподвижные тела лежат близ целительского шатра, укрытые холстиной, и жизни в них больше нет.

– Ещё четверо наших у целителей... – вздохнул Радосвет.

– Кто?

– Душица, Мох, Соловей и Горностайка.

– А мне казалось, что эти ребята заговорённые. Выходит, изменила им удача...

Душица и её братья в прошлом были простыми сельскими охотниками. Яромир с этой вздорной девицей никогда не ладил, но всё же был рад услышать, что та жива.

– Как раз таки не изменила. Мы потеряли два десятка человек, Мир. Все наши, кроме этих четверых, мертвы. Помнишь кровь на снегу?

Свеча замерцала, словно тоже скорбела о павших.

– Беда... – У Яромира защемило сердце, но лицо осталось непроницаемым. – Царю уже сообщили?

– А ты как думаешь? – Радосвет уронил голову на руки, зарылся пальцами в пышные кудри.

- Небось, опять кто-то поспел раньше, чем ты отправил ему птичку-весточку?
- Отец не доверяет мне, – зло сверкнул глазами из-под чёлки царевич.
- Он никому не доверяет, – пожал плечами Яромир. – С тех пор, как моя матушка...

Он не нашёл в себе сил сказать «погибла» или «была заморожена», поэтому просто осёкся.

Радосвет поспешил соскочить с неудобной темы:

- Говорят, новым воеводой станет Веледар. Я предложил Радмилу, но отец непреклонен.
- Знаю, ты не любишь Веледара, но он сильный воин. Думаю, царь сделал неплохой выбор. А Радмила ещё успеет покомандовать. Хватит с неё и сотни. – В голосе Яромира мелькнула пусть не злая, но всё же зависть, и это не укрылось от царевича.

– Ты тоже давно был бы сотником, если бы не вызвался в мою личную охрану.

– Знаю.

– Не жалеешь? – Радосвет усмехнулся, но глаза смотрели с тревогой. – Я тебя не держу, если что. Ты волен уйти, когда захочешь. Быть может, сейчас подходящий момент.

– С чего это он такой подходящий?

– Отряда, считай, больше нет. К тому же отец велит мне вернуться в Светелград.

– А это ещё зачем?

– Говорит, оставаться здесь опасно. Навьи упыри за мной охотятся.

– Тоже мне новость! – нахмурился Яромир. – Они сколько лет уже охотятся. И пока не поймали.

– Сегодня мы не справились. – Радосвет поправил фитиль коптящей свечи, и мерцающее пламя выровнялось. – Лютогор не попал в ловушку, а нас сильно потрепали. Отцу нужно найти виноватого.

– И этот виноватый – ты? Так не пойдёт. Я еду с тобой и объясню царю, что...

– Нет, друг мой. Ты остаёшься.

Радосвет встал, Яромир тоже. Некоторое время они сверлили друг друга взглядами. Наконец царевич извиняющимся тоном добавил:

– Воины дядьки Баламута отойдут под твоё командование. Веледар им не указ, они его терпеть не могут. Мне нужен тот, кто примирит их с новым воеводой. Кому я могу доверять? Присмотри, чтобы тут всё было в порядке к моему возвращению.

– А когда ты вернёшься?

– Скоро. Мир, да не хмурься ты так! Отец суров, но всё-таки он мой отец. Побушует – и простит. Не убьёт же он меня, в конце концов, за одну-единственную оплошность? Тем более ты сам хотел, чтобы мы с ним поговорили. Вот и случай подвернулся.

– Ладно, – кивнул Яромир. – Значит, буду следить за порядком до твоего возвращения. Пришли весточку, как доберёшься.

– Непременно.

– Не хочешь провести Душицу и остальных?

Радосвет на мгновение задумался, потом мотнул головой:

– Лучше иди один. Мне не стоит задерживаться, чтобы не злить отца ещё больше.

– Тогда будь осторожен в пути.

Они обнялись на прощание, и Яромир вышел из шатра. На душе у него было беспокойно. Не хотелось отпускать царевича – они ведь, считай, с самого начала войны дольше чем на седмицу не расставались, – но приказ есть приказ. Если каждый воин начнёт оспаривать слова командира, начнётся такой кавардак, что Кошечевич выиграет войну, не чихнув.

Выйдя к шатрам целителей, Яромир чуть не налетел на спешившую ему навстречу Душицу с нащёпкой на лбу и подвязанной рукой. На скуле воительницы красовался внушительных размеров кровоподтёк, правый глаз заплыл, левый горел яростью.

– Ага! Тебя-то мне и надо! – воскликнула Душица.

Как всегда: ни здравствуй, ни до свидания. До чего же невоспитанная! Впрочем, что взять с простолюдинки?

– В чём дело? – буркнул Яромир.

– Эта заносчивая дрянь не хочет лечить Горностайку! Велела выкинуть его из шатра, представляешь? Я грю: шас старшого позову. А она мне: зови-зови, я и его выкину, коли перечить будет! Иди, проучи её, чтобы неповадно было хамить добрым людям.

– Да о ком ты?

– О лекарке, вестимо. Имени не знаю, не расслышала. Ох и мерзкая баба. Ещё и рыжая, как лисица. Тьфу! – Душица бесцеремонно ухватила Яромира за рукав и потащила за собой.

Возле палаток целителей было не протолкнуться. И запах стоял такой, что Яромиру захотелось зажать нос, но он сдержался. Чай, не неженка какой-нибудь.

Может, и хорошо, что Радосвет с ним не пошёл. Нечего царевичу смотреть на чужие страдания. Он чувствительный, а Яромир ничего, стерпит.

Среди лежащих под молодыми сосенками калек он заметил Горностайку и невольно содрогнулся. Парнишка потерял правую кисть. Не быть ему больше лучником, не сжимать рукоять меча. Яромиру подумалось, что сам он предпочёл бы смерть, чем остаться без руки или ноги. Сколько же боли приносит эта проклятая война...

– Он больше не сможет сражаться, – сорвалось с языка.

Душица двинула Яромиру локтем в живот так, что аж дыхание перехватило. Так она выражала несогласие.

– Не говори ерунды! Мамка рассказывала, у ейного кума крюк вместо руки был – так с ним даже сподручнее врага бить стало.

– А сам Горностайка что думает?

– Да как его спросишь, коль он то в беспамятстве, то бредит? Но я знаю, что бы он сказал: мы – вольные волкобои и сражаемся до конца. Так что иди, научи эту курицу уму-разуму. – Девушка судорожно всхлипнула и подтолкнула Яромира ко входу в шатёр.

Отпираться он не стал. Горностай был и ему почти братом. Вместе в атаку ходили, вместе в засаде сидели, из одной чаши перед боем пили. Видеть друга в таком состоянии больно, а Душице, небось, ещё больней. Конечно, она из тех, кто храбрится до последнего, но Яромир заметил на её щеках не только кровоподтёки, но и подозрительные разводы. Наверняка от слёз.

Без лишних промедлений Яромир откинул полог и вошёл в шатёр. В нос сразу ударили едкие запахи травяных настоев, живицы и мёда. Повсюду, словно флаги, колыхались постиранные бинты. В котелке над очагом яростно булькало какое-то истошно-зелёное зелье. От его запаха Яромир закашлялся, но статная девица, колдующая над незнакомым спящим воином, даже не обернулась. Только отрывисто бросила:

– Полог закрой. Дует.

Яромир поспешил выполнить указание, потом поздоровался. Целительница не отреагировала. Похоже, она была очень занята. Парень ещё раз кашлянул, чтобы привлечь её внимание, и только потом заговорил:

– Я Яромир, начальник охраны царевича. Ты отказала в помощи моему человеку. Я хотел бы знать, почему?

– Раз отказала, значит, он не жилец. Не обессудь, воин. А теперь иди – у меня много раненых, которым ещё можно помочь.

– А если ты ошиблась? – Яромиру хотелось взять девицу за плечи, развернуть к себе и тряхнуть хорошенько, но он пока сдерживался. С целителями лучше вести себя вежливо, даже когда те перечат.

– Я знаю, что делаю, воин. Не учи меня.

– Но ведь всякий может ошибиться. А Горностайка сильный и удачливый. Вот увидишь, он уделает Курносую. А что кисти лишился, то не беда. Крюк приделаем – ещё пуще врагов

бить станет. – Яромир, ещё недавно споривший с Душицей, теперь повторял её слова. – Иди и помоги ему. Это твоя работа, целительница. Не пойдёшь по своей воле – берегись! Силой заставлю.

– Ой, напугал! Говорю же: не жилец он. Значит, и тратить силы на него не след. Там не только с рукой беда. Живот синий весь. Смирись.

Вот тут уже Яромир не выдержал и развернул целительницу к себе – и опешил. Остриё ножниц, которыми обычно кромсали ткань для бинтов, упёрлось ему между ключиц, а девица рывкнула:

– Руки убери!

– Прости. – Он медленно разжал пальцы и сделал шаг назад. – Я погорячился.

– Извинения приняты. Теперь – вон.

– Мой друг там умирает, и я не уйду, пока ты ему не поможешь. Он мне жизнь не раз спасал. И царевичу тоже. Мы все перед ним в долгу.

– Этому раненому, – целительница указала на спящего, – тоже нужна помощь, и немедленно. Будешь отвлекать меня – станешь его убийцей. Ты этого хочешь?

– Тогда делай своё дело, а я пока принесу сюда Горностайку.

– Ещё чего не хватало! Я не стану тратить силы и лекарства на безнадежных.

– Тогда скажи мне, как ему помочь, и я попробую сам.

– А ты лекарь, что ли?

– Нет.

Целительница фыркнула:

– Ясно. Значит, просто осёл.

– Послушай! – взвился Яромир. – Там снаружи ждёт его сестра, которую я знаю с детства. И сегодня я впервые в жизни видел, как она плачет. Не лишай надежды её и всех нас. Если хочешь знать, у меня хорошее предчувствие. А я не кто-нибудь, а сын Лады Защитницы, так что моим предчувствиям можно верить.

– Ладно, тащи сюда своего Горностайку, – махнула рукой целительница. – Но потом чтоб духу твоего в моём шатре не было. Понял ты, сын Защитницы?

– Так точно!

Яромир умчался чуть ли не вприпрыжку. Подхватил раненого друга на руки (тот тяжело застонал) и поспешил обрадовать подбежавшую Душицу:

– Она согласилась! Вот увидишь, Горностайка выживет.

– А можно мне с ним?

– Нет. Целительница даже мне не разрешила остаться. Но она своё дело знает, поверь. Я уверен: всё будет хорошо.

Душица кивнула и осталась сторожить брата у входа в палатку, как верная гончая. Убеждать её хоть немного подумать о себе и отдохнуть было бесполезно. Яромир даже пытаться не стал.

Вместо этого он отправился к шатрам Баламута, чтобы почтить память старого вояки и выразить соболезнования его младшему и единственному оставшемуся в живых сыну – здоровенному детине по прозвищу Бесяк (которое ему дали не за кротость нрава, надо полагать).

Бесяк был уже изрядно пьян. Пошатываясь и кивая, он выслушал Яромира, икнул и вдруг заговорил шёпотом:

– Меж прочим, не упыри батьку заели-то.

– А кто? Злыдни? – устало спросил Яромир только для того, чтобы поддержать беседу. Какая разница, какой твари на зуб попасться – всё равно дядьку Баламута не вернуть.

– Его Переслав зарубил.

– Какой ещё Переслав? – Яромир задумался. Воинов с таким именем он знал аж трёх.

– Брательник мой старшой, – Бесяк повис на плече у Яромира, дыша на него луком и перегаром. – А Добродел и Владигор доби́ли.

– Ты умом тронулся?! Не могли они на отца родного руку поднять!

– А вот и могли. Потому что брательников Кошечич заколдовал. Наши ребята супротив своих же обернулись – и пошло-поехало. Жуть кромешная, – Бесяк поёжился. – Брательников тоже того, убили. Один я остался на белом светушке.

Яромир сперва не поверил в эти рассказы. Подумал, что приятель бражки перебрал, вот ему и примерещилось. От горя всякое бывает. В один день и отца, и всех братьев потерять – это вам не шутки.

– А царевичу про упырей зачем сказали? Неужто соврал кто? – нахмурился Яромир.

Дивьи люди почитали ложь наихудшим из грехов.

– Может, и не соврали, а домыслили. А я всё видел. Вот этими самыми глазами. – Бесяк вытаращился для пущей убедительности. – А про Радмилу-то новость слыхал уже?

Сердце Яромира пропустило удар.

– Какую новость?

Вместо ответа Бесяк хлопнул его по плечу:

– Крепись, друже!

– Что с моей сестрой?!

Яромир сам не понял, как вышло, – он швырнул Бесяка так, что чуть не обвалил шатёр. Жерди жалобно хрустнули, но выдержали.

– Эй-эй, полегче! В круг колдовской она вошла да пропала, будто в воду канула. И дядька Восьмир вместе с ней. Нам отступить пришлось, а они там остались.

– Какой ещё колдовской круг?

– Знамо дело: тот, что для чародейских поединков создают. Там ведь ещё Кошечич был. Наверняка они по сию пору сражаются. У колдунов же ничего не бывает быстро: бьются по три дня и три ночи. А иногда даже и по семь.

Для пьяного Бесяк говорил слишком складно, и Яромир вдруг понял – приятель не так уж много выпил. А шатает его больше от горя и усталости.

– Как вы могли их бросить?! – рявкнул он.

– Да навьи нас не особо-то спрашивали, – пожал плечами Бесяк. – Драли да гнали, аки козлят неразумных. Но ты погоди печалиться, друже! Сестра твоя – огонь-девка. И Восьмир тоже орёл. Может, пленят они Кошечича да притащат сюда на аркане. А там, глядишь, и войне конец наступит.

– Твои слова бы да судьбе в уши... – вздохнул Яромир. – Где, говоришь, этот круг-то?

В мыслях он уже готовился седлать коня, чтобы скакать на помощь сестре. Но не тут-то было. Бесяк даром что на ногах едва держался, а всё понял и ухватил Яромира за плечо:

– Не пушу! Неча тебе там делать. Колдуны дерутся, воин не мешай. Иди лучше в шатёр, батюшке моему бедненькому поклонись, пока в сыру землю не схоронили. Да с ребятами потолкуй, чтоб они нового воеводу в дёгте и перьях ненароком не вываляли. А то с них станется.

– Всё настолько плохо? – Яромир озадаченно почесал кончик острого уха.

– Веледар энтот, оказывается, многим насолить успел. Одного подселел, второго подставил, третьего обругал почём зря...

– А тебя?

– Мне зла не делал. Потому и говорю: уйми этих буянов, пока беды не вышло. Царевич сказал, теперь мы тебе подчиняемся. Коли сладишь сейчас с ребятами, мы тебя зауважаем. А не сладишь – пеняй на себя, слушаться не станем. Скажем: шиш тебе!

– Да вы будто тати ночные, а не царское войско, – хмыкнул Яромир, а Бесяк в ответ улыбнулся, словно похвалу услышал.

– Борзые мы, что есть, то есть. Батюшке порой даже кулаки пускать в ход приходилось. Зато в бою нам равных нет. Богатыри! – Бесяк приосанился, как кочет.

Это, конечно, было чистой воды бахвальством. Дивьему войску бы хоть одного богатыря настоящего занять – войну уже давно выиграли бы.

В детстве Яромир одного такого видел. Запомнил только, как тот по наковальне вдарил да расколол её пополам, а потом долго извинялся и смущался. Это ж какая должна быть силушка!

– Ладно, веди к своим богатырям! – махнул рукой Яромир, но уйти они не успели.

Со стороны целительских шатров вдруг раздался истошный вопль. Не поймёшь, зверь кричит раненый или человек. Кто мог вскочить, все повскакивали. Иные похватили мечи – а ну как чудище какое орёт?

Но кричало не чудище. Яромир сперва узнал голос Душицы, а потом разобрал и слова. Его боевая подруга завывала, будто раненая волчица:

– Убью-у-у-у! Убью-у-у-у тебя, тварюка-змеюка!

Ох, только бы не горыныч в гости пожаловал!

Яромир с Бесяком переглянулись и, не сговариваясь, поспешили на помощь.

Глава четвёртая

Воля и честь

– Радмила, это Лис. Лис, это Радмила... – неохотно пробурчал Восьмир.
Можно подумать, если говорить быстро и невнятно, никто ничего не поймёт.

– Значит, тот самый Кощеевич! – зло выплюнула воительница.

Ну да, его прозвище давно не тайна.

– А ты, стало быть, та самая Северница. – Лис постарался скопировать её тон, но так гневно у него не вышло.

– А кто рядом с тобой?

– Май, мой советник.

– Все пауки в сборе! – хлопнула в ладоши воительница. – И колдовской круг уже готов.

Очень кстати. Я вызову тебя на поединок чести! Хотя откуда она у тебя...

– Ради твоих прекрасных глаз я, так и быть, найду в себе щепотку чести, – усмехнулся Лис.

Воительница вспыхнула. Злится. Это хорошо. Выведешь врага из себя, считай, полдела сделано. Но подлец Восьмир опять всё испортил:

– Это мой круг и мой поединок, Радмила. Не смей вмешиваться.

– Но вы же не дерётесь!

– Мы разговаривали. Обсуждали подробности.

«Во заливает!» – подумал княжич. Знала бы Северница, какие именно «подробности» они обсуждали, глядишь, перенаправила бы гнев совсем в другое русло. Может, открыть ей глаза? Так ведь не поверит. Решит, что Кощеевич смуту сеет, хорошего человека оговаривает почём зря.

– Ладно, я подожду, пока ты с ним закончишь, – кивнула Радмила.

– А не боишься, что тебе ничего не достанется? – не унимался Лис. Ему почему-то понравилось дразнить Северницу. – Убьёт меня Восьмир, и всё.

Радмила недоверчиво прищурилась:

– Ты же вроде бессмертный?

– Ой, я и забыл! – состроил он виноватую мину. – Тогда на что ты надеешься, воительница?

– Пленить тебя, посадить в острог и судить по справедливости.

– Ах, по справедливости! – Лис рассмеялся громко, с издёвкой.

Он не будет ничего доказывать этой девчонке. Время оправданий миновало. Как и время решать по-хорошему.

– Я хочу, чтобы ты ответил за свои злодеяния. – Воительница закусила губу.

– А ещё чего хочешь?

– Чтобы ты раскаялся и всё исправил.

Северница определённо была забавной.

– Обещаю подумать над своим поведением, – сказал Лис очень серьёзным тоном, но в конце всё-таки не удержался и снова прыснул.

Это окончательно вывело Северницу из себя:

– Негодяй и убийца! Пусть ты и бессмертный, но за твоим плечом – смерть. Однажды она найдёт и тебя.

– Ошибаешься, воительница. Прямо сейчас Смерть стоит за твоим плечом.

Это, кстати, было чистой правдой. Марена реяла позади Северницы и, улыбаясь, подмигивала Лису. Похоже, беседа её очень веселила.

– Врёшь! С чего бы ей там стоять?

– С того, что на войне не бывает тех, кто не замарался. Или, скажешь, ты не убивала? Ты тоже не безвинная овечка, красавица.

– Не смей меня так называть!

– То есть в остальном возражений нет?

– Перестаньте уже! – В голосе Восьмира чувствовалась усталость. Он бросил отчаянный взгляд на Мая. Мол, вмешайся, подсоби. Но советник молчал. Только, по обыкновению, хмурился. Наверное, соображал, как выпутаться из этой передраги с наименьшими потерями.

Марена снова подмигнула Лису и беззвучно, одними губами, произнесла:

– Повесели меня.

Ничего себе! Он что ей, личный скоморох?! Но возмущение быстро прошло. По правде говоря, Лису и самому хотелось покуражиться.

Он улыбнулся Восьмиру: теперь тот ни за что не отвертится. И, привстав на стременах, торжественно молвил:

– Крепче камня моё слово тоже: избегать поединка негоже.

Княжич едва успел договорить ритуальную фразу, а Восьмир уже атаковал. Это было так неожиданно, что Лис не удержался в седле. Его просто выдуло вон, ударило спиной о мёрзлую землю, выбив из груди стылый воздух, и потащило волоком. Висевшие за спиной гусли отлетели в сторону, жалобно звякнув. Ох, только бы уцелели!

Не будь на Лисе зачарованного венца, он наверняка потерял бы сознание, а так только перед глазами на мгновение помутилось. Когда он очухался, Восьмир уже навис сверху. Лицо чародея перекосилось от злобы.

От летящего прямо в грудь заклятия княжич уклонился, уйдя в перекат, ещё и подумав, что враг слишком медленно бьёт. Будто нарочно даёт время ответить.

– Я тебе поддамся, – шепнул Восьмир, хищно скалясь.

– Что?

– Что слышал. Возьмёшь меня в полон и велишь Радмиле уйти.

– Ха! Так она и послушала! – Лис вскочил. Пошатнулся, но на ногах устоял.

– Уйдёт, вот увидишь. Только будь понастойчивей.

Новое заклинание Восьмира просвистело рядом с ухом. С такого расстояния не промазал бы даже слепой. Значит, нарочно щадит. Но это всё ещё могло быть ловушкой. Дивий чародей умел усыплять бдительность.

– А не боишься, что поддашься, а я тебя убью? Отомщу за прошлое... – прошипел Лис, отправляя противнику в лоб маленькую колючую молнию.

Восьмир, легко уклонившись, пожал плечами:

– Ты этого не сделаешь.

– Ха! Держи карман шире! Я же Кошечевич. И к тому же ничего тебе не обещал, – Лис перешёл в яростное наступление. – Ты – враг. Ненавижу тебя, гад!

Он гонял чародея по кругу, заставляя то подпрыгивать, то припадать к земле, чтобы избежать смертоносного заклятия. В ход шли и ледяные ножи, и молнии, и хищные корни –

всё, на что был способен Лис без музыки и песен. А способен он был на многое. Вот только у Восьмира даже дыхание не сбилось. Ишь, скачет, словно горный козёл!

– Ты даже сейчас сражаешься не в полную силу, приятель.

– Это потому, что мы беседуем! – вспыхнул княжич.

Его злило и одновременно смущало, что Восьмир не ошибся. Он не желал убивать дивьего чародея. По крайней мере, сейчас. А ещё Лису хотелось утереть нос Севернице, поэтому он выбирал самые яркие, впечатляющие чары. Чтобы аж искрило!

Радмила глядела на бой заворожённо, даже с восхищением, а Смерть за её плечом умилялась. Лис почувствовал себя питомцем, за успехами которого следит гордый хозяин. Впору было бы разозлиться, но вместо этого он хмыкнул и подмигнул Марене.

– Зря глазки строишь, – укорил Восьмир, заметив его взгляд. – Эта девица – крепкий орешек. А ты для неё – враг лютый и всегда им будешь. Она твои заклятия на ус мотает, чтобы потом против тебя же обратиться.

Княжич вытаращился на противника в недоумении. Ах да, никто же не видит Смерть, кроме него. Неужели Восьмир и впрямь мог подумать, что он подмигивает Севернице, чтобы понравиться? Глупости какие!

– Ты мне зубы не заговаривай! – прошипел Лис. – Собрался поддаться, так поддавайся!

– Значит, не добьёшь?

– Посмотрим.

Лис атаковал. Он честно ждал подвоха. Но Восьмир не уклонился от летящего в него ледяного крошева. Будто собирался даже, но неловко поскользнулся на снегу и вместо того, чтобы отпрыгнуть в сторону, развернулся спиной.

Ледяные осколки не смогли пробить его душегрейку из плотной овчины, но некоторые всё-таки попали под воротник и вонзились в шею. Ещё несколько прорезали штаны под коленями. Ноги подкосились, Восьмир выругался и осел в снег. Неужели на этот раз не обманул?

Хотя правила поединков чести предписывали свидетелям не вмешиваться, Радмила дёрнулась, и княжич поспешил приставить к горлу Восьмира кинжал.

– Стоять! Этот чародей – мой пленник.

– Восьмир, я спасу тебя! – Глаза Северницы, ещё недавно казавшиеся голубыми, позеленели от злости.

Чародей покачал головой:

– Не надо. Я запрещаю.

– Ты мне не указ!

– А кто указ? Царь? Считаю, что я говорю от его имени.

– Нет у тебя такого права!

– Хочешь сказать, я вру? – Восьмир сурово сдвинул брови. – Как навьи?

Лис подумал, что наверняка проникся бы этим выражением оскорблённой невинности, если бы не знал, что врать чародей умеет, и ещё как!

– Пока царскую грамоту своими глазами не увижу – не поверю. – Радмила наклонила голову, выставив лоб вперёд, как упрямая молодая козочка.

– В седельной сумке посмотри.

– Ещё чего! А то я не знаю, каков нрав у твоей пегой. Она только на вид смирная, но скорее руку откусит, чем к себе подпустит.

– На нет и суда нет, – пожал плечами Восьмир. – Значит, придётся поверить на слово, как у нас, дивных людей, издревле принято.

Смерть откровенно потешалась, слушая их спор. Даже до сих пор хранивший молчание Май хмыкнул. Лис укоризненно покосился на советника – и этот туда же!

Так. Настало время вспомнить, кто тут Кошечевич.

– Эй, хорош лясы точить! – Он шевельнул лезвием, и на шее чародея показалась капля крови. – Уходи, или я убью его!

– Есть идея получше. – Северница смотрела цепко, не отводя взгляда, и глаза её были по-прежнему злы и зелены, как болотная вода. – Давай сразимся. Выиграешь – получишь сразу двух пленников. Проиграешь – освободи Восьмира, а сам – катись на все четыре стороны.

– Отпустишь злейшего врага? – Лис сокрушённо цокнул языком. – Царь тебя за это по головке не погладит.

– Это не твоё дело.

– Значит, надеешься победить? Тебе не говорили, что ты слишком самоуверенна, воительница?

– Да. Много раз. А знаешь, почему я всегда побеждаю? – Радмила выдержала паузу. Наверное, рассчитывала, что княжич поинтересуется, почему же, но он не доставил ей такого удовольствия. Пришлось продолжить так. – Потому что не надеюсь, а в самом деле собираюсь победить.

– Ну а я не хочу с тобой драться. Мне обедать пора. – Лис лениво зевнул. – Считаю до трёх. Если не уберёшься из круга, Восьмиру конец.

Радмила поджала губы, отчего стала похожа на обиженную девчонку. Только сейчас стало заметно, что она действительно ещё очень юна. Не в её годы отрядом командовать. Не то чтобы девица незаслуженно занимала должность, просто жаль, что война многих заставила рано повзрослеть...

Молчит, упряmica. Не шелохнётся, только зыркает, как упырь на серебро.

– Один. – Лис выдержал её пристальный взгляд, хотя это было непросто.

– Крепче камня слово моё... – начала Радмила ритуальную фразу вызова, но запнулась. Значит, сомневалась.

– Два-а-а... – Лис с наслаждением протянул слог. Голос был почти ласковым, но в нём чувствовалась угроза.

Рука Радмилы дрогнула на поводьях, и Лис решил, что уже победил. Сейчас она покинет круг. Но не тут-то было. Упрямая девчонка повернулась к Маю:

– Эй, ты! Как там тебя? Крепче камня слово моё, нашу тяжбу решим вдвоём.

– Ты меня вызываешь? – удивился советник.

– А кого ж ещё? И пока мы бьёмся, никто не смеет покидать колдовской круг. Таковы правила.

Восьмир с Лисом переглянулись. У обоих на лицах была написана досада. Выкрутилась Северница. И как! Май ей не соперник ни в ратном деле, ни в чарах. Девчонка победит, а потом обменяет советника на чародея, и все планы пойдут огнелёсам под хвост.

Княжич скрипел зубами от злости. Восьмир сохранял обречённое спокойствие. В глазах Мая мелькнула паника, заметная лишь тому, кто его хорошо знал. Это продолжалось всего мгновение, потом взгляд привычно посуровел, а на губах мелькнула тень улыбки. Неужели что-то придумал, шельмец?

– Выходит, Северница не столь доблестна, как о ней твердит молва?

– Трусишь, советник? Так сразу и скажи! – Радмила потянулась к рукояти меча, висевшего за спиной на узорчатой перевязи.

– Не угадала. – Улыбка Мая стала совсем нехорошей. – И, если тебе угодно, то крепче камня моё слово тоже: избегать поединка негоже.

Он вытащил из-за спины трость, спрыгнул с невозмутимой лошадки, прихрамывая, прошёл несколько шагов и встал прямо перед Радмилой.

Та спешиваться не торопилась, в глазах читалось изумление:

– Так ты калека?

– Только не говори, что не знала. Об этом на весь белый свет раструбили, ещё когда ты под стол пешком ходила.

– Знала, – нехотя проговорила Радмила. – Запомняла просто.

Её лицо осенила глубокая задумчивость. Май не рвался нападать первым – разумеется, он же себе не враг.

– О, есть идея! – хлопнула в ладоши девица. – Будем сражаться только чарами, без оружия. Тогда твоё увечье не даст мне преимущества.

– А разве в Дивьем царстве простолюдины изучают чары?

Интерес Мая выглядел искренним, будто он не знал ответа на свой вопрос.

– Нет, конечно. Только обряды, чтобы пшеница лучше росла да рожь родилась. Но ты же не простолюдин?

– Опять ошибочка.

– Как же ты тогда стал советником? – Радмила держалась стойко, но Лис заметил, как подрагивают её пальцы.

– Княжич назначил, – ухмыльнулся Май. – Кто я такой, чтобы ему перечить?

– А после этого ты разве не начал изучать чары?

– Начал. Примерно дюжину лет назад.

До Лиса наконец дошло, к чему клонит его друг. По меркам дивных его познания были не больше, чем у малолетки. Воительница попала в поистине затруднительное положение. Вызов был брошен и принят, вот только чести в таком поединке ни на грош. И вдобавок – два свидетеля, которые покроют Радмилу позором, решилась она на сделку с совестью. Но, похоже, совести у воительницы хватало.

– Тогда пусть за тебя сразится кто-нибудь другой... – выдохнула она. – Это правилами не возбраняется.

– Не знаю, кто бы это мог быть. Родичей у меня нет, побратимов тоже.

Девушка с надеждой глянула на Лиса. Май перехватил её взгляд:

– О, нет! Во-первых, я не смею просить княжича вступить за меня...

– Так-то ваш правитель защищает подданных! – презрительно бросила воительница.

– Ваш, можно подумать, защищает, – огрызнулся Лис. – Где он, кстати? Говорят, прячется от войны в Светелграде за высокими стенами?

– Не твоё дело!

– Значит, всё-таки прячется.

– Перестаньте! – поднял руку Май. – Я же ещё не сказал, что во-вторых. Княжич не может сразиться за меня, даже если бы захотел. Пока они с Восьмиром не покинули колдовской круг, их поединок считается незаконченным.

– Так пусть покинут! – нервно дёрнула плечом Радмила.

– Они не могут, потому что наш поединок не закончен, – развёл руками Май. – Любопытная загвоздка, правда? Мы создали круг в круге. Я о подобном даже в древних книгах не читал. Чтобы отсюда выйти, нужно закончить оба поединка.

– Стало быть, кто-то из нас должен умереть.

– Или сдаться.

Некоторое время все четверо молчали, переглядываясь. В полной тишине Радмила спешилась и наставила меч на Мая:

– Тогда сдавайся!

– Прости, воительница, но – нет.

– Тогда я убью тебя!

– Убивай!

Май раскинул руки в стороны. Он больше не опирался на трость, и Лис не мог не заметить, с каким усилием его лучшему другу удаётся стоять прямо. Колени Мая дрожали, и сердце

княжича тоже дрогнуло. А вдруг советник просчитался? Что, если Севернице победа важнее чести? Она же дивья, а у дивьих, которые так кичатся своей правдивостью, слова частенько расходятся с делом.

– Я так не могу... – выдохнула Радмила, опуская клинок.

– Тогда сдавайся, – участливо предложил Май.

– Кто? Я?

– Нам же как-то надо прекратить поединок.

Лис был уверен, что Май перегибает палку. Северница ни за что не пойдёт на такое. Но та вдруг поклонилась и протянула меч рукоятью вперёд:

– Лучше сдаться, чем победить бесчестно.

– Это благородное решение, – кивнул Май. – За это я оставлю тебе свободу. Ты слышала княжича? Уезжай, пока я не передумал.

Они раскланялись церемонно, словно встретились не на поле брани, а в пиршественной зале. Северница убрала клинок в ножны и вскочила на коня. Обернувшись, она бросила Лису через плечо:

– Не вздумай навредить Весьмиру! Царь его выкупит.

– Пускай пришлёт птичку-весточку, обсудим.

– И помяни моё слово: мы ещё встретимся! Один на один. Тебе не избежать темницы и справедливого суда.

Ишь, заладила. Лис поморщился:

– Непременно, дорогая. Я никогда не отказываю красавицам, которые желают встретиться со мной наедине.

Ему не показалось: воительница снова покраснела. Но вместо ответа она гикнула, прищипорила коня и ускакала прочь. Марена, махнув рукой, отправилась за ней следом, и Лис ощутил укол ревности. Эй, это его Смерть! Куда пошла?

Потом ему самому стало смешно. Весьмир его веселья не понял, глянул настороженно:

– Что собираешься делать дальше?

– Отвезу тебя в наш лагерь, разумеется. Там поговорим. Но прежде... Мне кажется, ты забыл кое-что важное.

– О чём ты?

Весьмир непонимающе захлопал глазами, но Лис не позволил себя обмануть. Сложив руки на груди, он ждал, пока дивий чародей изволит перестать ломать комедию.

– Ладно, ладно, – проворчал тот. – Твоя взяла. Я тоже сдаюсь.

И колдовской круг разомкнулся – будто тенькнула тетива. Они остались посреди вытоптанного поля, сплошь покрытого белым и алым снегом. На пир уже слетались вороны. Эта битва закончилась, но решающее сражение было ещё впереди.

Глава пятая

Брат Северницы

Возле палаток целителей собрался народ. Люди перешёптывались, ахали, гудели, как встревоженные пчёлы. Яромиру пришлось проталкиваться сквозь толпу, чтобы увидеть, что происходит. Зрелище оказалось не из приятных.

Разъярённая Душица таскала за рыжую косу целительницу. Ту самую, которой Яромир доверил раненого Горностаюку. Целительница закрывала голову руками, уворачивалась от ударов, как могла, но не была в ответ. Её нос распух, кровавая юшка стекала аж до подбородка. Под ногами в грязном снежном месиве валялся сорванный с головы платок.

Теперь Душица уже не выкрикивала угрозы, а подвывала на одной ноте, лупцуя противницу. Из её глаз текли злые слёзы.

– Что здесь происходит?! – рявкнул Яромир, и люди перед ним расступились.

Душица недовольно дёрнула плечом. Будто не окрик командира услышала, а комара назойливого отгоняла.

Пришлось схватить её за шкурку и хорошенько встряхнуть:

– Хватит! Или мне вас водой разливать?

Душица шмыгнула носом, часто заморгала, словно только сейчас заметила Яромира, и зло выплюнула:

– Всё равно убью эту тварюку!

– Ты же воительница, а не огнепёскин хвост! – Яромир здорово разозлился. – Воительницам негоже нападать на тех, кто не может за себя постоять. За это и под суд пойти можно.

– Её суди, не меня. Она Горностаюку уморила!

– Как так?!

– А вот! Насмерть.

– Я предупреждала: не жилец он... – Целительница вытерла разбитый нос рукавом.

– Не отпирайся, змея подколотная! Она его опоила, люди добрые! Я своими глазами видела! – Душица принялась вырываться, но Яромир держал её крепко.

– Это было сонное зелье. Не яд. Хотя дать яд, может, было бы милосерднее, – процедила целительница сквозь зубы.

Она наклонилась, подняла платок, встряхнула и повязала на голову. Её спина выпрямилась, взгляд стал холодным и гордым. Ну чисто царица. Даже перестаёшь замечать, что платок грязный, а платье разорвано в трёх местах.

– Она врёт. – Душица сплюнула под ноги противнице.

– Дивьи люди не лгут, – напомнил ей Яромир. Ему самому не верилось, что целительница могла убить раненого собственными руками.

– Да. Только эта ведьма – не из дивьих. Её папка из навьих был и мамку насильничал. Ещё во время прошлой войны.

По толпе пронёсся изумлённый шепоток. Кто-то презрительно фыркнул:

– Полукровка! И как ей только доверили лечить людей?

Другой возразил:

– Захлопни пасть! Эта девчонка моему сыну жизнь спасла.

– Но навья кровь...

– Это язык у тебя навий: такой же злой!

А Душица продолжила кричать:

– Чего вытаращилась, образина?! Думала, никто не знает твою тайну? Как бы не так!

– Это правда? – нахмурился Яромир.

– А если и так, то что? – Голос целительницы прозвучал сухо, но в болотных, слишком тёмных для дивьего народа глазах, полыхала ярость.

– Возможно, это меняет дело. Или нет. Как знать... – Он в задумчивости поскрёб подбородок.

Ну и задачка... И, как назло, воевода Веледар ещё не прибыл. Может, запереть обоих в острог и оставить всё до приезда старшего? К тому же самого Яромира могут счесть пристрастным. Душица – его подчинённая, Горностай – тоже. «Был», – мысленно поправил себя Яромир. Смерть друга пока не укладывалась в голове. Потом, оставшись один, он будет горевать, пить, может быть, даже плакать. Но сейчас нужно держать лицо. То, что целительница оказалась полукровкой, осложняло всё. Ещё пару дней назад Яромир не думая осудил бы её. Навья кровь дурная, порченная. Но сейчас перед глазами вдруг встало виноватое лицо Радосвета, а в ушах прозвучали его слова: «Кровь не так уж и важна. Главное, чтобы человек был хороший».

Бред, конечно. Но отчего-то запало в душу – не отмахнёшься.

– Расскажи, что ты видела, – обратился Яромир к Душице, и та зачастила:

– Внутри к брату меня не пустили, а я не будь дура – села возле палатки и полог раздвинула тихонько, чтобы в щёлку посмотреть.

Яромир заметил, что целительница – надо хоть узнать, как её зовут, – вздрогнула, услышав эти слова. Бойтся, что её обман выйдет наружу? А может, просто ненавидит, когда подсматривают? Не угадаешь.

– Гляжу, а эта гадюка на моего брата внимания не обращает. Не лечит, хотя обещала.

– Я занималась другим раненым, – спокойно пояснила целительница. – Тем, у кого были шансы.

– А потом ещё одним. И ещё. Всё это время мой брат оставался без помощи. – Голос Душицы задрожал. – Потом слышу: застонал Горностаюшка. Стало быть, очнулся. А гадюка к нему подошла, языком поцокала, лицо тряпицей обтёрла – и всё. А потом братик метаться начал, меня звать. Я вбежала, а она меня пинком под зад. Мол, мешаю.

– Ты правда мешала.

– Помолчи, не тебя спрашивают, – поморщился Яромир, и целительница притихла.

В толпе заволновались:

– А энто кто таков? Чаво он раскомандовался?

– А пёс его знает. На вид важный. Наверное, имеет право.

– Это царевича охранник. С ним приехал.

Кто-то презрительно протянул:

– А-а-а, Селезни...

Обидное прозвище Яромиру было знакомо. Так простые царские дружинники называли его отряд. Мол, охранять царевича – работёнка непыльная. Кафтан опять же выдают нарядный. А в настоящей битве пользы – как от селезня яйца. Не дождёшься.

Он обернулся, пытаясь высмотреть насмешника, но в толпе поди разберись, кто чего сморозил.

Неожиданно за Яромира вступился Бесяк. Топнул ногой и прикрикнул:

– Эй, потише там! Ишь, распустили языки. Это, между прочим, самой Северницы брат.

Кто-то ахнул. Кто-то подбросил в воздух шапку, прокричав здравицу, которую пара человек даже подхватили. А Яромиру стало тошно от этих восторгов. Подумаешь, какая заслуга: брат своей сестры! Но он знал, на что идёт, когда выбирал службу. Не будь его рядом, царевичу не поздоровилось бы. Сколько раз Яромир выручал его? Не сосчитать. Да и не надо – ещё не хватало заслугами кичиться.

Целительница глянула на него с сочувствием. А Душица пробурчала себе под нос:

– Сами вы селезни тупоклювые... – И продолжила во всеуслышание: – Слушайте, люди добрые! Ещё не всё вам рассказала про преступления навкины. Гляжу, значит: сон-траву взяла. Да, я знаю, как она выглядит. Бабка моя вечерами заваривала. И всегда говорила: смотри, Душенька, не более одного цветка на плошку, не то вечным сном заснёшь, никто не разбудит. А эта гадина аж восемь цветков положила. Опоила, ручаюсь!

– Не опоила, а облегчила страдания. Агония может длиться много дней. Ты хотела для брата такой участи?

Яромир вздохнул. Это походило на признание. Дело выглядело решённым, но он всё-таки решил уточнить для порядка:

– Если дать человеку зелье из восьми цветков сон-травы, он больше не проснётся. Это так?

Целительница молчала. Наверное, поняла, что сболтнула лишнего. И в этот момент от толпы отделился худой старик. Яромир узнал его: Светозар, главный лекарь. В прошлом старик состоял при царе, но с Ратибором они что-то там не поделили, и Светозара сослали к войскам – подальше от Светелграда. А может, не сослали, может, сам ушёл – Яромир не вникал.

– Восемь цветков сон-травы слишком много для здорового человека. Но мы говорим о тяжело раненном. Если вам интересно моё мнение, юноша, я бы сказал, что действия Огнеславы совершенно оправданы.

Вот, значит, как её зовут: Огнеслава. (Яромир подумал, что громкое имя совсем не подходит целительнице. Где же там огонь? Лёд один да надменность.) Признаться, он испытал некоторое облегчение: после вмешательства Светозара рассудить спор стало намного легче.

– Тем лучше. – Яромир поклонился старику, признавая за ним право свидетельствовать. – Значит, Огнеслава не виновата в смерти моего воина. Душица должна извиниться. Всем спасибо, представление окончено.

Народ послушно начал расходиться.

– Извиниться?! Ни за что! – ахнула воительница. – Яромир, ты же наш старшой. Ты вообще на чьей стороне?

– На стороне справедливости, конечно. Я понимаю, тебе тяжело и больно. Но не вини целительницу. Вини Навь и Кошечевича. – Он старался говорить мягко и участливо, но Душица заботы не оценила.

– Старик просто выгораживает ученицу, – прошипела она.

– Уймись. Светозар не какой-нибудь полукровка, врать не станет.

Старик поклонился, обнял Огнеславу за плечи и увёл к палаткам целителей. Душица попробовала было рывнуться следом, но Яромир не пустил.

– Значит, ему веришь, а мне – нет? – Она сжала кулаки и выпатила нижнюю губу. Ну, сейчас точно что-нибудь ляпнет, о чём будет потом жалеть. И точно! – Огнелёсский хвост ты, а не командир! Была бы тут Северница, она бы по правде рассудила. А ты... ты её мизинца не стоишь!

Голос у Душицы был звонкий. Яромир сам не понимал, что его больше задело: несправедливые слова подчинённой или то, что её услышали люди?

– Пшла вон... – процедил он сквозь зубы. – Посиди в остроге, подумай над своим поведением.

Душица зло сверкнула глазами и явно хотела ещё что-то сказать, но тут донёсся крик: – Сестра!

Яромир вздрогнул. Ему показалось, что он слышит голос Горностая. Сердце забилося: а вдруг выжил? Но чуда не случилось. Из-за палаток показался хромающий Соловей, которого вели под руки двое целителей. Подойдя, он обнял Душицу, и та зарылась носом в его плечо. Соловей тронул губами светлую макушку сестры, стал гладить её по спине, а сам сделал знак Яромиру: мол, уйди. И он послушался. Сзади донеслись судорожные всхлипывания. Плакали оба: и Душица, и Соловей. Эти двое да простачок Мох – всё, что осталось от отряда...

Может, воительница права, он и впрямь плохой командир? Во рту стало солоно: Яромир сам не заметил, как прокусил губу до крови. Он больше не злился на Душицу и не хотел посадить её под замок. Всяк по-своему переживает горе. Случись что с Радмилой, он сам повёл бы себя не лучше. Ох, только бы с сестрицей было всё в порядке... Она да царевич – ближе этих двоих у Яромира никого нет.

Мысленно он попросил всех богов хранить Радмилу и Радосвета. Ведь война – злое время. А война во время зимы – ещё злей. А после отправился в свой походный шатёр. Помнится, прежде он фыркал, мол, живём как навьи кочевники, а теперь привык. Даже запах отчего дома подзабыл. Теперь шатёр пах для него домом: овчиной и собачьей шерстью (симаргл Вьюжка любил спать в обнимку с хозяином), терпким дымом и ламповым маслом.

Оставшись один, Яромир налил себе выпить, зажёл свечу и произнёс над пламенем двадцать имён. После небольшой заминки добавил ещё одно: Горностай.

Пойло из кружки обожгло горло, но глаза остались сухими – ни слезинки не пролилось. Может, если бы удалось заплакать, стало бы легче? Но Яромира словно приморозило. А вдруг чары Кошечевича коснулись и его сердца? Нет-нет, с чего бы? Он этого Кошечевича не видел даже, только слышал, что тот довольно молод. Немногим старше самого Яромира. У-у-у, бессмертная навья сволочь!

Он ударил рукой о стол, разбивая костяшки в кровь. Раз. Другой. Третий. Потом хватил опустевшей кружкой об пол. Та разлетелась в осколки, но этого было мало. Следом за ней Яромир отправил глиняный кувшин, а потом раскидал в стороны лежавшие на столе свитки и замер, тяжело дыша.

Кто знает, что ещё подвернулось бы ему под горячую руку, но тут с улицы донёсся Вьюжкин лай. Радостный, призывный. И мыслей коснулось невысказанное счастье симаргла. К шатру приближался свой. Друг.

Яромиру стало стыдно за беспорядок, и он поспешил выйти навстречу, гадая, кого же там принесло.

Вьюжка радовался не зря. Завидев гостя, Яромир сам чуть не запрыгал от восторга.

– Радмила! – Он сгрёб сестру в могучие объятия. – Слава богам, ты жива! Я так волновался. Мне доложили про колдовской круг. И Кошечевича.

Колени едва не подкосились – напряжение, которого Яромир всё это время не замечал, наконец-то отпустило.

– Я же обещала, что никогда не брошу своего братишку.

Радмиле пришлось встать на цыпочки, чтобы пригладить его волосы. Младший брат давно её перерос и сменил деревянный меч на стальной. Но рядом с ней Яромир порой чувствовал себя ребёнком. А вот и слёзы пришли, когда их уже не ждали. Пришлось смущённо вытирать лицо рукавом рубахи, но Радмила не осуждала.

– Я здесь. Рядом. Всё хорошо.

Вьюжка пританцовывал рядом и лизал ладони то Яромиру, то его сестре. Ну конечно, он же тоже член семьи.

– Скажи, что тебе удалось пленить Кошечевича! Это была бы лучшая новость за сегодня.

– Увы, не в этот раз, – помрачнела Радмила. – Радосвет у тебя?

– Уехал ещё днём.

– Куда?

– В Светелград к отцу.

– То-то я смотрю, в его шатре темно...

Яромиру стало немного обидно. Выходит, сестра в первую очередь к Радосвету помчалась и только потом к родному брату. Пришлось мотнуть головой, прогоняя глупые мысли.

– А что случилось-то?

– Беда... Кошечевич пленил Вёсьмира. Выкуп просит. Ну то есть ещё нет, но непременно попросит. А я боюсь... – Радмила огляделась по сторонам и предложила: – Так. Пойдём-ка лучше внутрь.

Они вошли в шатёр, а Вьюжка остался снаружи, мысленно сообщив хозяину: «*Я посторожу*». Симарглы всё понимают. Порой даже лучше людей.

Яромир приготовился к нагоню: сейчас сестра увидит беспорядок, заохает, начнёт его журить. Но Радмила не сказала ни слова. Судя по хрустнувшему под её сапогом осколку, даже не заметила, что что-то не так.

– Не стоит говорить там, где нас могут услышать.

– Понимаю, – кивнул Яромир. – Царь Ратибор может не захотеть платить.

– Он не любит Вёсьмира, ты же знаешь. Скорее, терпит. Потому что тот полезен в сражениях.

– Так война ещё не закончена, – пожал плечами Яромир. – Наш царь порой э-э-э... излишне придирчив, но он всё-таки не дурак, чтобы разбрасываться могущественными союзниками.

– Не уверена, что он до сих пор считает Вёсьмира союзником. – Радмила понизила голос до шёпота. – Знаешь, в прошлый раз, когда я была в Светелграде с донесением, я получила приказ. Личный.

– О, это большая честь!

– И ответственность, да-да, знаю. Вот только приказ был следить за Вёсьмиром. Царь его подозревает.

– В чём?

– Да во всём подряд. Ты же знаешь, какой он... Эх! – махнула рукой девушка. – Вот я и подумала сперва-наперво к Радосвету обратиться. Чтобы он перед отцом замолвил словечко за Вёсьмира. Чародей нам нужен. Без него эту войну точно не выиграть.

– Знаешь, у Радосвета с царём последнее время тоже разлад. – Яромир поднял перевёрнутый табурет, отряхнул его и предложил сестре присесть. – Хочешь чаю горячего?

Он только сейчас заметил, что Радмила зябко кутается в плащ с меховым подбоем, а губы у неё аж посинели от холода. Дождавшись кивка, он развернул вышитую салфетку-самобранку. На ней появились две дымящиеся чашки и блюдечко с малиновым вареньем и парой небольших деревянных ложечек. Немного уюта посреди вечной разрухи и холода. Такой стала их жизнь, когда Кошечевич вморозил родителей в колдовской лёд. Всё разделилось на «до» и «после».

– Они отец с сыном. Помирятся. – Радмила отхлебнула чаю и затрясла головой. – Ух, горячо!

– Хочется верить. Но царь очень недоволен. Так что сперва Радосвета ждёт суровая взбучка.

– Один из нас должен поехать за ним! Если выехать с утра, можно успеть нагнать его в дороге.

Яромир хорошо знал этот тон. Он означал, что сестра уже всё решила, спорить с ней бесполезно. Но всё равно всякий раз спорил.

– Ты не можешь оставить лагерь. Не сейчас, когда войска Кощеевича так близко. Ты же Северница! Одно твоё присутствие воодушевляет людей.

– Тогда поезжай ты.

– Я тоже не могу. Мне велено встретить нового воеводу. Слыхала, что Веледара назначили?

– Слыхала. И совсем этому не рада.

– Вот и ребята Баламута тоже не рады. Уеду – начнутся раздоры меж своими. Этого нельзя допустить.

– Я могу за ними присмотреть. – Радмила отставила чашку. Между её бровей залегла упрямая складка, делавшая девушку похожей на мать.

– Спасибо, но это моя забота.

– Пока мы тут с тобой препираемся, Весьмир в плену у Кощеевича сидит. Думаешь, его там вареньем кормят? – фыркнула сестра, зачерпывая малину ложечкой. – Коли не хочешь ехать сам, пошли кого-нибудь из своего отряда. Кому и ты, и Радосвет доверяете?

– Таких нет. – Ком снова подступил к горлу.

Из тех, кто остался, Душица наказана за своеобразие. Её братья ранены. Да и не стал бы Яромир сейчас с ними связываться. Что Мох, что Соловей сестре в рот смотрят. Что она скажет, то и делают. «Прям как я», – мелькнула в голове жгучая, как горчичное семя, мысль.

– Тогда пускай решает судьба. – Радмила порылась в поясном кошелье и добыла серебряную монетку. – Кинем жребий, брат!

Яромир всё ещё сомневался. Судьба ведь не всегда бывает благосклонна. Может, не стоит её искушать? Он открыл рот, чтобы возразить, как вдруг снаружи громко и протяжно взвыл Вьюжка.

– Я пойду посмотрю, что там.

Спасибо симарглу, дал повод ускользнуть. Яромир откинул полог шатра, взгляделся в ночную темноту и обомлел. Перед ним стоял Горностай собственной персоной.

– Здрав будь, старшой. Звал?

Глава шестая

В навьем плену

Май был, как всегда, недоволен. Всю дорогу ворчал: мол, ты правда собираешься везти в наш лагерь этого подлеца? – и кивал на Восьмира. Дивий чародей сидел позади Лиса, беззаботно болтал ногами и мурлыкал под нос песенку. Княжич самолично связал пленника, заставил сесть на Шторм-коня задом наперёд, ещё и руки к седлу прикрутил для верности, а Восьмиру всё было нипочём. Ишь лыбится, будто на пирушку собрался. Только в самом начале пути уточнил:

– Зачем это всё? Я же по своей воле сдался.

Но Лис шикнул на него, и чародей умолк.

На ворчащего Мая тоже можно было шикнуть, но ссориться не хотелось: ведь только благодаря хитрости советника им удалось выкрутиться из весьма щекотливой ситуации. А Лис даже не поблагодарил его. Ладно, ещё успеется...

Эх, вот бы сейчас взмыть в небеса и посмотреть, как Восьмир в штаны наложит! Или нет? Княжич припомнил, что именно Восьмир ему Шторм-коня и вернул. Значит, полётами его не удивишь. Да и лошадка Мая летать не умеет. А бросать друга посреди дороги, где может быть дивья засада или просто разбойники, – не след.

– Подумаешь, пленника в лагерь привести! Эка тайна. – Лис поплотнее закутался в плащ: начиналась метель. – Сегодня мы здесь, завтра там. Да и наш приятель никуда не денется, я его связал крепко.

– Твоя воля, княже. – Май замолчал.

Надулся, значит. Или почудилось. В последнее время Лису часто казалось, что подданные его осуждают. Может, оттого что он сам себя винил. Война затягивалась, конца-края ей было не видно, а сил оставалось всё меньше.

– Надеюсь, ты не станешь ему доверять? Помнишь, что он в прошлый раз натворил?

Ага, всё-таки почудилось.

– Ещё как помню. Он же меня убил. Второй раз я ему не позволю.

– Сейчас мне от тебя другое нужно, – отозвался сзади Восьмир. Уж помолчал бы, когда не спрашивают.

Лис, прищурившись, глянул на клонившееся к закату солнце, и тут ему в голову пришла идея:

– Май, если беспокоишься, давай поступим так. Веди переговоры. Я буду присутствовать, а ты – решать.

Советник, похоже, не поверил своим ушам:

– Весьма великодушно.

– Ага. Я вообще великодушный и щедрый правитель. Ты не знал?

– Запоматывал, знаешь ли. На войне не до щедрости.

– А до войны?

– До войны ты был мёртв в течение шестнадцати зим, и изображать великодушного правителя пришлось мне, – фыркнул Май, прищипывая лошадку. Угнаться за Шторм-конём даже по земле, а не по воздуху было не так-то просто.

– Только не говори, что тебе понравилось! – хохотнул Вёсьмир.

Он явно не ожидал, что в ответ советник скривится:

– По правде говоря, не очень. Сплошные хлопоты. Справедливый суд верши, за людей отвечай... Оно мне надо?

– Повезло тебе с другом. – Вёсьмир откинулся на спину Лиса. – Мало есть людей, которые, узнав вкус власти, добровольно от неё откажутся.

– Сам знаю! – Лис не удержался, ткнул чародея локтем в бок, чтобы не умничал.

А Май вдруг тряхнул головой, как норовистый конёк:

– Я согласен, княже. Но если моё решение тебе не понравится, – не обессудь. И не чини препятствий.

– Как скажешь, так и поступим – я от своего слова не откажусь. Только обещай, что сначала всё-таки выслушаешь Вёсьмира.

– Своевременное условие, – усмехнулся Май. – Я как раз хотел бросить его прямо здесь. И пусть бы топал до своих, как захочет.

– Спасибо, что хоть в снег, а не в дёготь и перья, – буркнул Вёсьмир из-под капюшона.

Май в ответ сверкнул глазами:

– Идея хороша. Возьму на заметку, раз уж твоя судьба теперь в моих руках, чародей.

– Ах, если бы только моя... – вздохнул пленник. – Это судьба всей Диви и Нави, приятель. Так что постарайся принять мудрое решение.

– Пока я считаю достаточно мудрым завязать тебе глаза, чтобы ты не запомнил дорогу.

– Тряпицу одолжить? – Вёсьмир скалился, что твоя огнелёска.

Так, слово за слово, они добрались до лагеря как раз к наступлению темноты. Там Лис велел слугам подавать ужин, да погорячее, целителям приказал немного подлатать пленника, а сам повёл Шторма в стойло (конюхи боялись подходить к норовистому жеребцу). Расседлав коня, княжич накормил его половинкой молодильного яблока. И тут его осенило: так вот что надо будет попросить у царя Ратибора в обмен на пленника! Зима зимой, а у этого жадины наверняка в закромах запас с прошлых урожаев. Тогда Шторм будет доволен и не придётся на другого скакуна пересаживаться.

С этой мыслью Лис вошёл в шатёр, где его ждали Май с Вёсьмиром, и, подув на озябшие пальцы, спросил:

– Как думаешь, сколько ты стоишь в молодильных яблоках по мнению Ратибора?

Чародей показал два пальца.

– Две сотни? – жадно потёр ладони княжич.

– Два яблока. Или, скорее, огрызка. Царь меня не слишком жалует, увы.

– Наверное, чует, что ты против него замышляешь. – Лис откинулся на подушки и запустил руку в вазочку с сушёными ягодами (и пусть утрутся все, кто считает, что начинать нужно с супа!).

Вёсьмир устроился прямо на наваленных возле очага шкурах. Сидел уже без рубахи, зато в бинтах и невозмутимо черпал баранью похлёбку с таким видом, словно находился на пирушке, а не на допросе.

Май передвинул на столе подсвечник так, чтобы пламя осветило худое лицо пленника.

– Ну, говори. И постарайся быть убедительным. Или ты сюда пожрать пришёл?

– Не настолько в Дивьем царстве голодно, чтобы я в Навь поужинать напрашивался, – улыбнулся чародей. – Что именно ты хочешь узнать?

– Ответь, в чём для нас ценность заложника, за которого и целого яблока не дадут?

– Ты, советник, не ёрничай. Дело-то серьёзное. Царь наш, как бы это сказать помягче... умом тронулся.

– Давненько уж, – не удержался княжич и, получив в ответ два укоризненных взгляда, потянулся за ложкой. – Всё, молчу-молчу, не перебиваю, ем супчик.

– Я не шучу. Ратибор безумен. – Весьмир повернулся, чтобы поставить пустую тарелку позади себя, и Лис присвистнул: ого! Кому-то здорово досталось. Вся спина чародея была исполосована. Но, присмотревшись, княжич понял, что рубцы не сегодняшние, а где-то с седмицу назад полученные. Одни поджившие, другие всё ещё воспалённые. От плетей такие бывают.

– Царь подозревает всех и вся, – продолжил Весьмир. – Его пишу пробуют. Все обереги проверяются. Стража ходит за ним повсюду – даже в покои царицы. Всех несогласных жестоко наказывают. Кого на правёж, кого в темницу. Иных вообще вешают. Вот и меня в заговорщики записали. Только хотите верьте, хотите нет – я ни о чём таком тогда не помышлял. Мы с Ратибором часто ссорились, потому что я указывал ему на ошибки. Несколько раз царь выгонял меня, а потом возвращал обратно – потому что кто ещё ему правду скажет? Но теперь Ратибору не нужна правда, а нужны те, кто будут в рот смотреть да в ножки кланяться.

– Обидели чародеюшку. – Улыбка Мая стала похожа на змеиную. – Ты поэтому решил переметнуться?

– Я сторону не меняю! – вспыхнул Весьмир. – Дивь – моя родина, ею и останется. Но Ратибор – не Дивь, а её погибель.

– В общем, ничего нового. – Май зевнул так заразительно, что Лису тоже захотелось. – Думаешь, у нас нет осведомителей при дворе Ратибора?

– Думаю, есть. Но мне найдётся чем удивить вас обоих. Помните, как помер прошлый царь?

– Лично не присутствовали. – Княжич ущипнул себя за щёку. После сытного ужина его начало клонить в сон.

Разумеется, помнить они не могли. Отец Ратибора – как же его?.. Радогост, что ли? – умер, когда не то что самого Лиса, а даже его матушки на свете не было.

– Много лет назад юный царевич Ратибор убил своего отца, царя Радогоста. Чего не сделаешь, когда хочется править, а папа не даёт. Правда, княжич? – Весьмир прищурился. На что это он намекает, гад?

Лис едва сдержался, чтобы не запустить в чародея опустевшей вазочкой.

– Меня с ним не равняй. Кощей – совсем другое дело. Да, я помогал, но убили его вы с Отрадой Гордеевной. И только поэтому я с тобой сейчас разговариваю, а не мастерю чашу из твоего черепа, ясно?

– Не хотел тебя оскорбить, – миролюбиво поклонился пленник. – Просто думал: кому, как не тебе, понять чувства Ратибора? У прежних дивьих царей характер был, честно скажем, не мёд.

– Думаешь, царевич Радосвет собирается продолжить семейную традицию? – Май покачал головой.

– Я очень удивлён, но нет. Радосвет – добрый юноша. Немного наивный, но этот недостаток с возрастом проходит. – Чародей смотрел не на собеседников, а на прогорающие в очаге угли, будто вспоминая что-то. А может, кого-то. – К сожалению, Ратибор уверен в обратном. А поскольку его безумие с каждым днём усугубляется, боюсь, царевич в большой опасности. Он может стать хорошим правителем. Но не доживёт до этого светлого дня, если ему не помочь.

– Теперь всё ясно. Ты перечил царю, тот озлился, велел отлупить тебя плетями, и тогда ты решил сделать ставку на царевича. Разумно. А мы-то тут при чём? – Май со скучающим видом изучал резьбу на своей трости.

– Да ему с Ратибором без нас не справиться! – хохотнул Лис.

Он ожидал, что Весьмир возмутится, но тот, не поднимая взгляда, кивнул:

– Чистая правда: не справлюсь. Зато с вашей помощью... Надеюсь, мне не нужно объяснять, что новый царь может подписать мировую и отдать перстень? Я уже говорил и повторю снова: Радосвет – шанс для всех нас. Мне наплевать на Ратибора, но не наплевать на Дивье царство. И на Василису.

– И каков план? – Кажется, Май заинтересовался. Лицо его так и осталось скучающим, но во взгляде появился огонёк. – Дай угадаю: ты всё перепробовал и мы твоя последняя надежда?

Весьмир вздохнул:

– Сперва я думал обставить гибель царя как несчастный случай. Именно так поступил Ратибор со своим отцом. В те времена близ Светелграда завелся волк-людоед. Нападал не на овец, а на пастухов, их детишек и девиц, что пошли по ягоды-грибы. На ропот простого народа никто не обращал внимания, но однажды волк украл дочку кого-то из бояр. Зверя тут же прозвали Людовором и объявили на него охоту. И вот в один прекрасный день царевич Ратибор сообщил отцу, что найдена Людоворова берлога, и предложил царю самому поучаствовать в поимке лесной твари. Мол, загонщики всё устроят, останется лишь сделать выстрел. Радогост был трусоват, но всегда жаждал совершить подвиг. Конечно, он ухватился за эту возможность. Похвалялся, что попадёт волчаре в глаз с пятидесяти шагов. К его несчастью, Людовор оказался волколаком, а в колчане у царя, как назло, не оказалось ни одной стрелы с серебряным наконечником. Так и не совершил Радогост подвига.

– Печальная история, – сухо заметил Май. – Я так понимаю, сам Ратибор с тех пор на охоту не ходит?

Лис глянул на советника с тревогой. Того ведь тоже на охоте подставили, калекой сделали. Но Май держался. Только его лицо и вся фигура казались окаменевшими.

– В последнее время царь не покидает столицу, – подтвердил Весьмир. – Он и раньше был осторожен, а теперь особенно.

– А что насчёт небольшого бунта? Наверняка же есть недовольные.

– Я тоже об этом думал. Но не выйдет. Недовольных хватает, но на площадь никто не выйдет. Охрана у царя шибко борзая.

Май отложил трость в сторону. Теперь он не скрывал заинтересованности:

– А тебя-то к царю пускают? Пошёл бы да вдарил чарами. Ты, я слышал, колдун сильный. Что тебе та охрана? Они и пикнуть не успеют, а от Ратибора кучка пепла останется.

Май смотрел на Весьмира неотрывно, словно хотел прожечь в нём дыру. Пленник чувствовал себя неудобно, и Лис его понимал. Если советнику что-то было нужно, он впивался, как репей.

– Жить хочется, – развёл руками дивий чародей. – Когда я за Кошечевой смертью ходил, уж не чаял выбраться. Долго потом не мог поверить, что жив остался. Вот и решил, что буду ценить этот подарок судьбы, не бросаться во все тяжкие, а сперва думать головой. Насчёт Ратибора есть идея получше. Я знаю, что ты, Лис, тайком бывал в Светелграде. Тебе нужно будет отправиться туда снова, и...

– Ни за что! – Лис вытянулся, как струна, аж спину свело от напряжения.

– Никак у тебя, княже, ум отрос? – поднял бровь Май.

Его изумление было понятным, ведь прежде Лис рвался в дивью столицу, а его отговаривали: мол, это же чистой воды самоубийство.

– Вертопляс сказал, что не полетит, а без него я не могу.

Княжич сказал правду. Но не всю. И Май это прекрасно понял.

Весьмира отказ ничуть не смутил, он задумался всего на мгновение, потом хлопнул в ладоши:

– Значит, меняем план! Нужно выманить царя из Светелграда. Так даже лучше. Чары Защитницы Лады всё ещё сильны, не все заклятия в столице работают как положено. Вы, навер-

ное, слышали, как однажды у нас разгорелся огонь из-за противопожарных чар? Прелюбопытнейший был случай...

Чародей всё говорил и говорил. То травил байки, то спохватывался и вспоминал о деле. А Лис опять принялся клевать носом. Сначала мимо ушей стали пролетать слова, потом – целые фразы. Сколько он уже не спал? Три дня или четыре? А сколько времени они провели в колдовском круге? Немудрено, что на мягких подушках после еды его разморило. Он крепился до последнего, но всё-таки уснул, а когда проснулся, уже светало. Весьмира нигде не было. У изголовья княжеского футона сидел Май. Он задумчиво смотрел сквозь полог шатра на разгорающееся на востоке зарево.

Княжич приподнялся на локте:

– Где чародей?

– Спит.

– А ты чего не спишь?

– Думаю.

– Что-то решил уже?

– Говорю же: думаю. – Май ссутулился, словно ноша на его плечах была слишком тяжёлой. – Признавайся: почему ты отказался лететь в Светелград? В последний раз, помнится, Вертопляс не возражал. Наоборот. Раскаркался: ур-ра, пр-рикложение!

Вот этого вопроса-то Лис и боялся. И как теперь выкручиваться?

– Ну он же ворона. Ещё и вещун. Сам знаешь, у них по семь пятниц на седмице.

Смешок получился неловким, и Май не обманулся:

– Лис, а если честно?

– Вот зачем ты такой проникательный?

– Работа такая. Он опять что-то напорошил? Что-то плохое?

Тут, хочешь не хочешь, пришлось признаваться:

– Говорит, видел мою смерть. Будто бы я сражаюсь на улицах Светелграда, и тут бац – горыныч. – Княжич содрогнулся, очень уж он боялся змей, больших и малых. – Огнёмдохнул, и всё. Лежу я на башенке мёртвый, бездыханный. И все меня оплакивают.

– Ерунда! – отмахнулся советник. – Ты же бессмертный, помнишь? Тебя даже горынычево пламя не возьмёт.

– Но Вертопляс ещё ни разу не ошибался.

Лис рывком сел и нащупал венец – тот по-прежнему был на голове. Не просто украшение, мощный оберег, который княжич носил не снимая.

– Да. Но всякий раз ты оставался жив.

– На этот раз всё будет вразумно. Он уверен. Так прямо и сказал мне: «В Светелград – ни ногой».

Май уронил голову на руки и взъерошил выбившиеся из хвоста пряди.

– Ладно. Кто я такой, чтобы не верить вещуну... Знаешь, я тут и так и сяк прикидываю. Похоже, Весьмир дело говорит.

– И тебе это не нравится...

– Ха! Это ещё слабо сказано!

– Мне тоже. Но без Ратибора всем станет легче. Волчонок юн и неопытен, Весьмир наверняка думает, что сможет вить из него верёвки.

– А сможет? – поднял голову советник.

– Не знаю. Да и какая разница? Важно, что царевич передо мной в долгу. Помнишь, я тебе рассказывал? Этот дурачок в детстве в Навь попал. На снег посмотреть хотел. – Лис не удержался от горького смешка. Теперь, во время вечной зимы, насмотрелся небось до тошноты. – Матушка его от Кошечы спрятала, а я помог вернуться домой.

– Добрый ты...

– Вот и нет! Я бы и пальцем о палец не ударил, это матушка попросила. А царевич ей слово дал: дескать, вырасту и спасу тебя, Василиса, из плена Кошечевича.

– Какой хороший мальчик, – улыбнулся Май.

– Ой, я так смеялся тогда! Думал, мальчишка в неё втюрился.

– Если так, это нам будет только на руку. Свяжись с Энхэ, княже. Нам понадобится свой человек в Диви, чтобы выманить царя из Светелграда.

Княжич кивнул:

– После завтрака отправлю птичку-весточку. К вечеру долетит.

Энхэ ни разу не подводил их. За полтора десятка лет, проведённых в Дивьем царстве, навий соглядатай дослужился до сотника и был у Ратибора на хорошем счету.

– Нет, отправь сейчас.

– Ишь прицепился, репей! – проворчал Лис, но перечить не стал.

Вытащил из сундука солому, скрутил пташку и оживил заклинанием.

– Слушай и запоминай. – Весточка подняла головку, глянула внимательными глазами-бусинками, и княжич, изменив голос до высокого девичьего, выдал: – Завтра на закате навести меня, красавчик.

Это была условная фраза. Энхэ поймёт, что надо выехать за стены Светелграда, чтобы не попасть под защитные чары Лады, а потом они свяжутся с помощью навьего зеркала. Если же птичку перехватят, то решат, что послание отправила влюблённая девица.

Птичка вспорхнула с ладони, вылетела из шатра и вскоре превратилась в точку в воспалённом небе. «Какая странная заря...» – подумал Лис. А мгновение спустя понял: нет, не заря. Над заснеженной степью полыхал пожар. Кажется, где-то в той стороне милях в трёх-четырёх находилось мирное навье стойбище?

– Проклятье! – Май вскочил на ноги, пошатнулся, но устоял.

В глазах советника загорелось торжество, но Лис на эти трюки не купился:

– Оставайся в лагере. Это приказ.

– Но я уже могу без трости! Позволь, княже!

– Следи за Весьмиром, чтобы не натворил чего-нибудь исподтишка. – Лис на ходу натягивал сапоги. – Я сам разберусь.

Глава седьмая

Запах беды

Глупая надежда мелькнула, терзая сердце, – и пропала. Всего на миг Яромиру показалось, что это пришёл прежний Горностай – живой и здоровый.

– Радмила, нет! – крикнул он, но было поздно. Сестра уже шагнула к покойнику с улыбкой на устах. А Яромир запоздало понял: она же не знает, что Горностайка мёртва! А он не предупредил, ох, дурак! Но ничто не предвещало, что друг восстанет из могилы. Его ещё не хоронили даже...

Мертвяк, хищно улыбаясь, сгрёб Радмилу в объятия и приставил к её горлу острый коготь – весь в земле.

– Здравствуй, Северница.

В неровном свете луны Радмила наконец разглядела его раны, торчащие кости и пятна разложения на коже. Она не изменилась в лице, только побледнела:

– А тебе, как я вижу, здоровья желать поздно. Мне очень жаль, Горностай.

– А уж мне-то как жаль! – Мертвяк скривился, будто собирался заплакать.

– Отпусти её, – сказал Яромир спокойно, но настойчиво. Он надеялся, что бывшие привычки сработают, и Горностай выполнит приказ своего командира, но ошибся.

– И не подумаю. – Землистый палец описывал круги по белоснежной шее, и Радмила безглаголиво оттопырила нижнюю губу.

– Зачем ты пришёл? – Яромир наставил остриё клинка на бывшего друга.

Ударить будет легко. Надо лишь убедить себя, что это уже не Горностай, а злая сила в его обличье.

– Свататься.

Такого ответа от мертвяка Яромир не ждал, даже меч в руке дрогнул.

– Что-о?!

– Что слышал. – Когда-то звонкий голос весельчака Горностайки после смерти стал сварливым, как у старого деда. – Дельце, вишь, осталось неоконченное. Думал: как споймаем Кошечича, наберусь храбрости да попрошу у старшего руки его сестрицы.

– А меня ты спросил?! – возмутилась Радмила.

Яромир видел, что её пальцы сжались на серебряной монете – той самой, которую она вытащила из кошель, чтобы бросить жребий. Теперь он видел, что край монеты был заточен. Яромир поймал взгляд сестры и мотнул головой: не вздумай. Слишком опасно. Вспорот острый коготь нежную кожу, просочится скверна в кровь – и всё. Верная смерть, если не хуже. Почему одни из могил встают, а другие нет – одним чародеям ведомо.

Но разве бурю-Северницу упредишь взглядом?..

– Я сама решаю, за кого мне замуж идти!

Мертвяк озадаченно перевёл взгляд с Яромира на Радмилу, но в следующее мгновение улыбнулся:

– Так даже лучше. Пойдёшь за меня, душа моя?

– Но ты же умер. Мёртвые не женятся. – Лицо Радмилы казалось окаменевшим: ни один мускул не дрогнул.

– Вам, живым, неведомо, что за гранью творится. А я хочу – и женюсь, – усмехнулся Горностайка. – Не зря же в песнях поётся: любовь побеждает всё. Ради тебя я сражался, с твоим именем на устах умер, значит, и в посмертии не оставлю. Потому что люблю тебя больше жизни. Сама Курносая прониклась – посвататься отпустила.

Яромир, наверное, был бы тронут его речами, если бы не острый коготь, готовый впиться в горло сестры. Сердце билось часто, как после бега, на лбу, несмотря на холодную ночь, выступил пот. О чувствах ратного друга к Радмиле он знать не знал. Ежу понятно, почему тот молчал: не ровней была ему гордая Северница. Разве что... Если бы Горностай совершил великий подвиг. Ведь герою можно хоть царевну в жёны! Жаль, что уже не совершит...

– А чего ж ты сватовство так долго откладывал, дорогой? – вдруг потеплел голос Радмилы. – Никак сперва впечатлить меня хотел делом ратным?

– Истинно так. Думал, вот Кошечича схвачу самолично, и...

– Так не схватил же покамест. – Девушка попыталась отстраниться, но покойник зарычал.

– Нет у меня времени ждать, Радмилушка. Коли не согласишься стать моей до третьих петухов, век мне покоя не видать. Таков наш с Курносой уговор.

– А коли соглашусь? Неужели она тебя отпустит назад в мир живых?

– Не отпустит. Да я и сам не хочу. За гранью нет ни боли, ни горестей. Тяжко я умирал, родная. Задыхался, плакал, кричал от муки, пока рыжая целительница мои страдания не облегчила. Не хочу снова такое пережить. И никому не пожелаю. Тебя от подобной участи спасу.

– Убьёшь, что ли? – буднично спросила Радмила.

Яромир поражался её выдержке. Ему самому сейчас хотелось заорать от ужаса, но он до боли стискивал рукоять меча и ждал. А ну как мертвяк откроется и даст себя ударить? Но поднимется ли рука на друга? Это ещё предстояло выяснить.

– Ты не понимаешь: это не смерть, хоть и не совсем жизнь. Но главное, что мы будем вместе. Только ты и я – целую вечность.

– Ладно, я согласна.

Яромир сдавленно охнул. Боги, что она несёт?! Горностайка просиял и начал медленно склоняться к лицу Радмилы. Яромир содрогнулся: наверняка дыхание у мертвеца зловонное. Хотелось зажмуриться, только бы не видеть этот жуткий поцелуй.

Но Радмила в последний момент отвернулась. Посиневшие губы клюнули её в щёку, и Горностайка разочарованно проворчал:

– В игры со мной играешь?

– Не спеши, друг сердечный. Хоть времечка и мало, но о приличиях забывать не след. Лобызаться будем после свадьбы. А пока... Не думал же ты, что к Севернице как к обычной девице сватаются? Испытать мне тебя надобно. Докажи, что достоин.

– Ради тебя – всё что угодно! – Мертвяк стукнул себя кулаком в грудь и ослабил хватку.

В этот миг, пожалуй, стоило рубануть, но Яромир всё ещё опасался навредить сестре и мысленно молил её: ну хоть на шагок отойди, родная. Хоть на полшажочка.

– Возьми Кошечича в полон да приведи ко мне, как хотел! – повелела Радмила, притопнув ногой.

– Шутить изволишь? – нахмурился Горностай. – Он меня уже убил однажды.

– Тогда чего тебе бояться? Ты ж мёртвый. Почитай, бессмертному равня. К тому же подобраться теперь будет легче. В его воинстве полно упырей да злыдней. Ещё одного мертвяка никто не заподозрит. Совершишь подвиг великий – война закончится, и я стану твоей.

– Справедливы твои речи. – Горнотайка тряхнул кудрями привычно и смешно, как при жизни. – Раз сватовство моё успешным оказалось, значит, условие Курносой я выполнил, выторговал себе отсрочку. Теперь твоё желание исполню – тут и свадебку сыграем. Берегись, Кошечич!

Шатающейся походкой он побрёл прочь. Яромир понял: сейчас или никогда. Он занёс меч и набрал в грудь воздуха, чтобы окликнуть Горнотайку, – не рубить же его в спину, – но Радмила перехватила его запястье.

– Не смей!

– Спятила?! – Яромир вырвал руку, но время было упущено, и мертвяк растворился в ночной тени.

Северница толкнула брата в грудь:

– Какого лешего ты меня не предупредил?!

– Прости...

Упрёк достиг цели, кольнул в самое сердце.

– Стоял, молчал. А напоследок, ишь ты, опомнился! – бушевала сестра. – Правильно мать говорила: телок ты ясноглазый, неразумный. Куда тебе Буредаровыми воинами управлять, когда ты с одним мертвяком сладить не смог?

– Вообще-то ты мне только что помешала, – скрипнул зубами Яромир. – Что ты наделала, Радмила!

– А что я наделала? Помощника нашла верного. Такого, который в самом деле до Лютогора добраться сможет.

– Но какой ценой! – Яромир тоже сорвался на крик. – Ты же с мёртвым обручилась!

С сестрой они ссорились нечасто, но если уж ссорились, то всегда громко и яростно.

– Ради нашей победы да мести за матушку с батюшкой я даже с боровом паршивым обручиться готова! Ты этого Лютогора встречал? Нет? Вот то-то! А я его своими глазами видела. В одном колдовском круге с ним давеча побывала. Он Весьмира одной левой сделал. Так что не тебе указывать, что мне делать, Селезень!

А вот это было совсем горько.

– Нет больше никаких Селезней, – помертвевшим голосом сказал Яромир. – Погиб мой отряд. Только Душица, Мох да Соловей остались.

– Прости! – Радмила вцепилась ему в плечи и тряхнула, отчаянно заглядывая в лицо. – Не отворачивайся. Я не знала. Не знала, слышишь!

Оставалось только сглотнуть горечь и кивнуть. Они обнялись.

– Зря ты это затеяла. – Яромир прижал сестру к сердцу.

– Если Горнотай не справится, я ничем не рискую, – нарочито беззаботно отмахнулась она. – А коли справится... Не забывай, я чародейка хоть куда. Выкручусь.

Яромир вздохнул. Помимо беспокойства за сестру, его мучило кое-что ещё. Прежде дивьи люди никогда не прибегали к помощи покойников. Ведь те издавна считались пособниками Нави.

– Не уподобляемся ли мы Кошечевичу, поступая таким образом? Горнотай был моим другом. И ты его знала. Разве можно допустить, чтобы его посмертие...

– Рази врага его же оружием! – перебила Северница. – Что же до Горнотайки – я уверена, если бы мы спросили его ещё живого и здорового: «Пожертвуешь ли ты собой ради мира?» – он бы не раздумывая ответил «да». Как и я. Как и ты. Мы должны как можно скорее закончить эту войну, братец. Люди достаточно пострадали.

И Яромиру только и осталось, что кивнуть:

– Надеюсь, ты права.

А Радмила подбросила монетку и поймала на ладонь. Они с детства так делали: «волк или решка»? На этот раз выпал волк.

– Вот тебе и знак судьбы. Поезжай в столицу, Мир. Пусть отряда больше нет, но царевич всё ещё в тебе нуждается. А там, глядишь, рекрутов наберёшь...

И Яромир подумал: кто он такой, чтобы спорить с судьбой?

* * *

По такой погоде до Светелграда можно было ехать долго, да не доехать вовсе. То снег, то дождь, то всё вместе. Дороги превратились в вязкую жижу. В этом Яромиру виделся злой умысел Кошечевича. Наверняка дружки-соглядатаи ему уже доложили, что дивьи ждут прибытия нового воеводы. А чем дольше войско пробудет обезглавленным, тем более лёгкой добычей может стать. Ох, зря царь Ратибор задерживается в столице! Ещё и Радосвета к себе призвал, когда ситуация и без того шаткая...

Прежде Яромиру и в голову не пришло бы осуждать царя. Как можно? Но теперь такие мысли приходили в голову всё чаще, и привкус у них был полынный. Потому что шли годы, но ничего не менялось. Они по уши увязли в этой войне, привыкли к запаху гари сожжённых деревень, пронизывающему холоду и слезам сирот. Наверное, в Дивьем царстве не было семьи, которой не довелось бы хоронить близких. Уже народились дети, что никогда не видели лета, не знали мирной жизни. Они быстро откладывали деревянные мечи и брались за настоящие. Яромир сам видел, как после битв отроки и отроковицы сновали по полю брани спокойно и деловито, словно куры по родному подворью, чтобы отыскать раненых среди павших, а заодно собрать выпущенные в молоко стрелы. В целительских шатрах работала совсем малышня. Таким бы в куклы играть, а не таскать воду, толочь снадобья и рвать ткань на бинты. Царю хорошо: сидит себе в столице и ничего этого не видит. Нужен кто-то, кто откроет ему глаза, заставит встряхнуться. Яромир надеялся, что у Радосвета получится. Потому что есть на белом свете вещи, к которым невозможно привыкнуть, которые нельзя забыть и простить.

Царевич отца побаивался – это Яромиру тоже было известно. Но он верил, что Радосвет сдюжит, особенно если лучший друг молчаливой поддержкой встанет за плечом. Главное – не сорваться, не высказать царю всё, что накипело. Подобной дерзости Ратибор не потерпит даже от сына Защитницы Лады.

Яромир вздохнул и похлопал по холке Вьюжку. Хорошо, что у него есть верный симаргл – можно быстро домчать до Светелграда по воздуху, а не месить грязь копытами коня.

«*Я должен лететь быстрее?*» – прозвучало в голове. Симаргл и его человек общались мысленно.

– Если сумеешь. Только не загони себя.

«*Ты грустный, Яр. У тебя плохое предчувствие?*»

Яромир вдруг понял, что Вьюжка прав. Его терзали не только невесёлые мысли о войне. Было что-то ещё.словно воздух стал слишком тяжёлым и давил на плечи. Чародеи-вещуны говорили, что у беды особенный запах. Яромир ещё в детстве пытался его почуять, но тщетно. Порой ему даже казалось, что вот же он: сладковатый аромат. Приторный, душный. Но это была всего лишь игра воображения. В ту ночь, когда мать и отец стараниями Кошечевича обратились в синий лёд, он не ждал беды. Был самый обычный день. И ничем подозрительным не пахло.

– Ты же знаешь, у меня нет дара предвидения. Вот у мамы был... и то не помогло.

«*Знаю. – Симаргл смешно фыркнул – поди, снежинка в нос попала. – Но предчувствие не спрашивает. Оно или есть, или нет.*»

– Мне кажется, что-то меняется. – Яромир в задумчивости смотрел на проносящиеся внизу заснеженные поля, кое-где с тёмными проплешинами. – Как будто прялка судьбы пришла в движение и стучит, стучит.

«*Давно пора.*»

– Твоя правда, друг. Но хотел бы я знать, каким будет её новое полотно...

Вьюжка вздохнул сочувственно, как умеют только огромные псы.

– Послушай, твоему племени что-то известно про Птицу-войну? – Яромир вдруг вспомнил рассказ Радосвета. – Говорят, её клеть отпирается ненавистью, а запереть её может лишь любовь. Но я в это не верю. Одной любви явно недостаточно. Нет ли какой-нибудь волшебной стрелы, чтобы подстрелить эту тварюку?

«Её нельзя подстрелить, Яр. Это же питомица самой Смерти. Стало быть, она бессмертна».

– Но Кошечя же победили. А тот тоже был бессмертный. – Яромира так захватила идея, что отказываться от неё не хотелось.

«Стрелой ты только умножишь ненависть», – упорствовал симаргл.

– Не скажи. Если я на охоте утицу подстрелю ради пропитания, а не забавы для, в моём сердце не будет ненависти, только благодарность.

Пёс ненадолго задумался, потом согласился:

«Может, ты и прав. Но для такого подвига нужен герой с чистым сердцем».

– Значит, я не подхожу, – горько усмехнулся Яромир.

В его душе хватает чёрных пятен. Отомстить Кошечевичу – вот что важно. За мать и отца, за друзей-соратников, за дядьку Баламута, за того же Горностайку... С каждым днём имён в этом списке становится всё больше. Нет, не дастся ему волшебная стрела...

Яромир повесил нос и пробурчал:

– Давай снижаться...

Они почти долетели.

Стены Светелграда казались белее самого снега. Когда-то матушка укрыла столицу защитным заклятием, и это стоило ей жизни. Зато даже спустя годы в Светелград не могло проникнуть никакое зло. Вероятно, поэтому войско Кошечевича ещё не стояло под стенами с осадными орудиями.

Правда, со временем защита истончалась. Несколько раз её подновлял Восьмир, пока царь ему ещё доверял. Сейчас же Ратибор, опасаясь за чары, строго-настрого запретил даже своим соратникам прилетать в столицу по воздуху, и Яромиру с Вьюжкой предстояло войти в главные ворота, как и всем обычным путникам.

Ещё снижаясь, Яромир заметил на дороге одинокого всадника, а теперь, догнав и поравнявшись, узнал его и обрадовался:

– Яснозор, ты ли это?!

– Здрав будь, друже!

Они спешили и обнялись.

– Какими судьбами? Разве ты не должен сейчас ехать в ставку?

Яснозор был правой рукой новоиспечённого воеводы, но, в отличие от своего командира, слыл добрым и честным малым. Он вечно увещевал Веледара, когда тот зарывался, и частенько выступал миротворцем в спорах, потому что мог голыми руками завязать в узел подкову – это остужало даже самые горячие головы. А ещё слыл везунчиком: в игре в кости ему не было равных.

– Дык я замест Веледара теперь: столичной дружины начальник. Повышение мне вышло. – Яснозор улыбнулся, но спустя мгновение помрачнел. – Только нехорошо, наверное, этому радоваться. Ох, жалко дядьку Баламута! Хороший был мужик...

Они немного помолчали, склонив головы. Яромир хлопнул друга по плечу:

– Ты достоин своей должности больше, чем Веледар. Выходит, столица с дворцом теперь твои?

– Не, только столица. Дворцовой стражей Любомысл заведует. А у царя теперь своя охрана: там Мрак и его ребята заправляют.

Это было что-то новенькое.

– С каких это пор царю отдельная охрана понадобилась? Неужели Любомысл не справляется?

– Справляется. Только царь опасается покушений. Слуги Кошечевича несколько раз отравить его пытались. Потому нас всех и разделили. Для пушей защиты.

Яромир презрительно поджал губы. Яд – удел трусов. Впрочем, чего ещё ждать от Нави?

– Так тебе, выходит, теперь столицу покидать нельзя. Что же ты за стенами шастаешь?

– Если на охоту, то можно. – Яснозор похлопал по притороченному к седлу луку. – Раз в луну имею право на увольнительную.

– Прежде, помнится, было раз в седмицу?

– Ну так времена нынче какие... – Яснозор вздохнул, помялся, а потом вдруг выдал: – Не должен я тебе этого говорить, но промолчать тож не могу. Совет дам: разворачивайся и езжай обратно. Неча тебе в Светелграде делать.

Яромир в первый миг аж дар речи потерял. Он вытаращился на приятеля, как баран на новую изгородь:

– Ты что такое несёшь?! Наклюкался, что ли, в своей увольнительной? А ну-ка дыхни!

– Я серьёзно. Там целее будешь, чем тут.

Сердце пропустило удар. Выходит, не обмануло предчувствие.

– Говори уже прямо. Что стряслось?

Яснозор опасливо огляделся, словно их могли подслушать из придорожных кустов, потом наклонился к самому уху Яромира и шепнул:

– Царевич в остроге. В заговоре его обвиняют. Против царя. Дело дрянь.

Сладковато-удушливый запах беды ударил в ноздри. Впервые Яромир его по-настоящему почувствовал.

Глава восьмая

Правила Смерти

К горящему навьюму становищу Лис отправился не один – прихватил с собой дюжину добрых воинов. А Вертопляс сам увязался: р-размять кр-рылышки.

Они так спешили, чуть не загнали коней, вот только всё равно не успели: прискакали к догорающим головешкам. Снег из белого стал чёрным от пепла и алым от крови. Повсюду лежали тела: старики, женщины, даже дети. Лютый ворог не пощадил никого. Но, возможно, кому-то улыбнулась удача?

– Ищите выживших! – Лис скрипнул зубами.

Небо уже светлело, но множество людей – его людей – не увидели солнце нового дня. Вместе с рассветом внутри разгоралась ярость.

Но снег хранил чёткий след. Лису даже не пришлось спешиваться, чтобы понять: тут побывали семеро всадников. В сердцах он выругался. А Вертопляс словно мысли прочитал, задумчиво каркнул в воздух:

– И как семер-рым удалось устр-роить такую р-резню?

– Наверное, напали под покровом ночи, когда все спали. Ух, ненавижу дивьих!

– Собир-раешься догнать негодяев?

Лис кивнул:

– Угли ещё тёплые. Они не могли далеко уйти.

– Княжич! Нашли! Нашли! – позвал Оджин, один из воинов, и Лис поспешил на зов.

Единственная выжившая в резне женщина ещё издалека показалась ему знакомой, но Лис мотнул головой: не может быть! Подойдя ближе, он понял, что не обознался.

– Данэ?! Что ты тут делаешь? И где девочки?

Уж кого он совсем не ожидал увидеть в чужом стойбище, так это кормилицу своей единокровной сестры Зарянки. Вот только они должны были жить в совсем другом поселении – подальше от войны.

– Прости недостойную, господин... – прошептала Данэ, едва шевеля разбитыми губами. – Не уберегла. Забрали девчонок. И твою сестру, и мою дочь...

– Живыми? – Внутри всё похолодело, но в следующее мгновение Лис взял себя в руки. Конечно, живыми. Зачем бы негодяям забирать тела?

Данэ кивнула, подтверждая его догадку:

– Они знали, кого ищут. Промеж собой болтали про сестру княжича. А взяли обеих, потому не признали, кто есть кто. Я всё-таки красила Зарянке волосы листьями вайды, хоть господину это и не нравилось.

– Ты не нарушила моей воли, Данэ. Продолжай. Расскажи мне всё, что видела и слышала. Но начни с того, как вы здесь оказались.

Кормилица втянула голову в плечи, став ещё больше похожей на растрёпанную галку.

– Моя вина, господин...

По её щекам покатились слёзы.

– Соберись! – рявкнул Лис. – Причитать и плакать будешь потом. Мне нужны сведения о похитителях.

И Данэ, выпрямив спину, повела рассказ:

– Две седмицы назад мы с девочками отправились в лес. В этом году калины много уродилось. Отошли от становища, а обратно вернуться не сумели – река разлилась.

Лис поёжился. Возможно, в этом бедствии была и его вина. Он ведь попросил ветра дуть послабее, чтобы настала оттепель. А зима выдалась снежной, вот и поднялись воды.

– Мы долго блуждали, пока не почуяли запах жилья. Добрые люди нас приютили, обогрели. – Данэ судорожно всхлипнула. Кажется, до неё только теперь начало доходить, что все эти люди мертвы. – Мы собирались уйти, когда погода улучшится. Нас обещали проводить.

– Местные знали, кто такая Зарянка?

– Нет, господин. Я молчала. И девочкам тоже наказала молчать. Мои дочери, и всё тут. Всё было хорошо – до минувшей ночи...

– Это ведь были дивьи люди? Те, кто на вас напал?

Данэ со вздохом покачала головой:

– Нет, господин. Навьи.

Лис нахмурился:

– Ты ничего не путаешь? В темноте да в сумятице легко ошибиться.

– Я никогда не забуду их лиц, господин. Они мне будут сниться до самой смерти... Нападение не было случайным. Они не только искали сестру господина, но и упоминали промеж собой имя старшей княжны.

Вон оно что! Доброгнева! Лис вздрогнул при одном лишь упоминании ненавистной сестры. Но откуда та узнала про Зарянку? Неужели за годы изгнания стала такой сильной колдуньей, что теперь от неё ничего не скроешь?

В голове мелькнуло: «Пришла беда, откуда не ждали», – и Лис криво усмехнулся. Глупая мысль. Конечно, ждали. Но прежде Доброгнева действовала более осторожно. Подослать тайного убийцу – это запросто. А вот открыто напасть... Впрочем, сестрица наверняка рассчитывала, что свидетелей не останется.

Нелегко воевать, имея за спиной врага, который только и ждёт, чтобы воспользоваться твоей слабостью. С огромным наслаждением Лис выжег бы всё это осиное гнездо, но, увы, у него не хватало сил. Отправишь войска к Мшистому замку – Дивь тут же перейдёт в наступление. Продолжишь воевать с Ратибором, и Доброгнева непременно дождётся момента, чтобы нанести удар. Пока ожерелье, отцов подарок, связывало магические силы сестры, её можно было не принимать во внимание. Но теперь... Лис понимал: придётся поднажать. Ему нужна быстрая победа над Дивью, чтобы в скором времени не оказаться уже между двух пылающих огней.

– Оджин и Дош, отвезите Данэ в лагерь. Джиргал и остальные – по коням. Похитители не могли далеко уйти.

Он знал, что навьи люди, в отличие от дивьих, умеют путать следы, особенно в родном краю, поэтому наклонился к самому уху вороного и зашептал:

– Шторм-конь, не я ли тебя кормил, поил и лелеял? Сослужи и ты мне верную службу – сыщи Зарянку.

Во рту стало солоно: похоже, Лис прикусил губу. Заклинание ему не нравилось. Ведь когда-то им воспользовался Кошей, чтобы отыскать сбежавшую Василису. И ведь преуспел, гад. Что было потом, княжич вспоминать не любил, но забыть тоже не мог... Пускай же хоть сейчас чары послужат доброму делу.

Шторм-конь всхрапнул, попытался вырвать из рук поводья, но Лис, давно выучивший повадки непокорного жеребца, удержал их и цокнул языком:

– Н-но, не балуй!

Конь сорвался с места – совсем не в ту сторону, куда вели следы. Значит, всё-таки те были ложными. В ушах свистел такой ветер, что Лису пришлось даже придержать венец, чтобы не сдуло. Сердце ухнуло в пятки, когда они оторвались от земли. Снизу что-то проорал Джиргал, но Лис только крепче сжал коленями лоснящиеся бока. Шторм-конь не стал бы самовольно взлетать без причины. Значит, Зарянке грозит опасность, нужно спешить.

Долго ли, коротко ли – когда летишь, легко потерять счёт времени, – внизу показались всадники. Девчонок Лис разглядел не сразу: их спелёнутыми перекинули через сёдла, как и тюки с прочей добычей.

– Негодяев – не жалеть, девчонок – не трогать! – Он похлопал коня по холке, и тот обнажил зубы. Не лошадиные, острые – упырь бы позавидовал.

Они упали камнем прямо на головы ничего не подозревающим разбойникам. Шторм-конь бил копытами чужих лошадей, стаскивал всадников в снег, топтал, а Лис мурлыкал колдовскую песенку:

«Те, кто сотворили лихо, пусть узнают сами, как горит на воре шапка вместе с волосами».

Шапки и правда вспыхнули. Те, кто ещё оставался в седле, пали наземь и с криками принялись кататься по снегу, закрывая руками лицо. Все, кроме одного. На нём просто не было шапки. Как назло, именно он вёз девочек. Лис перехватил поводья его лошади – и вовремя. Та шарахнулась от огня. Всадник выхватил меч из ножен, но Шторм-конь вцепился ему в руку, и воин, вскрикнув, выронил оружие. Маю всё это не понравилось бы, но Лис в душе ликовал. Как он их всех, а? Один против семерых!

Огонь быстро потух. Все, кого коснулось колдовское пламя, были мертвы. Из тюков высыпалось награбленное: рожь и овёс, монеты, медная утварь. На одном из разорванных тюков сидела Марена и пересыпала зерна из ладони в ладонь.

– Ну, суженый, уважил! Шестерых отправил мне в дар. А с седьмым что делать будешь? Отпустишь али тоже мне?

– Слезай, живо! – велел седьмому Лис, привязывая поводья чужой лошади к луке седла. – Кто тебя послал? Отвечай! Доброгнева?

– Коли всё знаешь, зачем спрашиваешь? – огрызнулся тот, баюкая прокушенную руку.

– Стоит быть повежливее. Твоя жизнь в моей власти.

– А на что мне такая жизнь? – пожал плечами воин. – Я не оправдал ожиданий княжны. Это всё равно что смерть.

– Бить-пытать будет? – Лис в притворном сочувствии поцокал языком. – Так это и я могу. Отвечай: какое задание тебе было дано? Слово в слово.

Он рассчитывал узнать о планах Доброгневой и что та собиралась сделать с Зарянкой. Если воин будет упираться, его можно и разговорить, как когда-то разговорили предателя Гала-рида. Не пытками, но заклинанием – так вернее.

Но воин как-то нехорошо улыбнулся, а в следующий миг выхватил кинжал и перерезал себе горло.

– О, этот тоже мой. – Марена высыпала зерно в снег. – Что будешь теперь делать?

– Я его и из мёртвых достану! – рявкнул Лис.

– Фу, нехорошо отбирать подарки.

– Рена, он точно что-то знает. Иначе не стал бы убивать себя.

– Да шучу я, глупенький. Можно подумать, у меня работы мало. Делай что хочешь. Только девчонок развяжи поскорей, пока я их не забрала. А то молодцы Доброгневой так расстарались, что как бы не задохнулись бедняжки...

Княжич охнул и помчался пилить верёвки. Через пару минут девочки были свободны. Обе почти лишились чувств. Таких на коня не посадишь. Придётся ждать, пока доскачет подмога.

Лис снял с седла скатку с одеялом, расстелил, устроил девочек поудобнее, потом развёл костёр. Так хотя бы не замёрзнут.

– Руки и ноги им разотри, – посоветовала Смерть. – А то долго связаны были. Надо кровь разогнать.

– Ты говоришь как целительница. Кому рассказать – не поверят!

– Отчего же? Для кого-то и смерть может быть целительной. Да и не нужны мне эти жизни. Их срок ещё не пришёл, а забирать раньше времени – не по правилам, – усмехнулась Марена.

– Кстати, всё хотел спросить: а кто устанавливает правила?

Улыбка сошла с лица Смерти.

– А вот это не твоего ума дело.

Он пожал плечами: не его так не его. Судя по бурной реакции, Марена не сама эти правила придумала. Выходит, есть в мире что-то превыше Смерти? Или кто-то.

Мысль мелькнула и пропала, потому что одна из девочек застонала, и Лис бросился растирать ладошки обеим. Маскировка Данэ была отличной – он сам не понимал, которая из малышей его сестра. Последний раз он видел Зарянку, когда та ещё пачкала пелёнки. Тогда у нее были рыжие волосы и множество веснушек. Но веснушки Данэ тоже умудрилась выбелить. Вот незадача – даже по ушам не поймёшь: у полукровок навьюх людей и смертных они тоже заострённые, а расти перестают только в отрочестве.

Впрочем, сейчас это было не важно. Помочь следовало обеим. Лис вспомнил лечащее заклинание, которому его научила мать, и нараспев произнёс колдовские слова. Ничего не произошло. Может, он что-то перепутал? Лис прочитал заклинание снова. Опять ничего.

Марена покачала головой:

– Не старайся, не выйдет.

– Это ещё почему? Прежде ведь получалось.

– Прежде ты не был суженым Смерти. Я предупреждала: есть цена, которую придётся заплатить за эту честь. Твой отец тоже был не способен к целительской магии. Но это не было врождённым. Чем дольше мы вместе, тем меньше ты способен исцелять. Себя – да. Но не других. Правила есть правила.

Досадно, хотя и закономерно. Смерть и жизнь – словно два берега, разделённые бурной рекой. Порой они сходятся очень близко, но никогда не станут одним.

– Надеюсь, скоро подойдёт подмога.

Стоило Лису это сказать, как с неба донеслось знакомое карканье Вертопляса:

– Р-ребята, я их нашёл! Скор-рее сюда!

Спустившись, он первым делом ущипнул Лиса за мочку уха. Причём пребольно.

– Ай! Ты очумел?!

– Нет, это ты очумел! Удр-рал впер-рёд, никого не дождал. Мы с ног сбились по полям да лесам р-рыскать.

– Ну нашли же? – Лис дёрнул плечом, и Вертоплясу пришлось взмахнуть крыльями, чтобы удержать равновесие.

Но тревога в душе улеглась сама собой. Джиргал знал пару лекарственных напевов, Октай всегда возил с собой благовония. Этого хватит, чтобы спокойно доставить девочек в лагерь, а там ими займутся настоящие целители.

* * *

– Они очнулись, господин.

Лис едва успел разоблачиться и перекусить, а Оджин уже примчался с докладом. Расторопный малый. Взять, что ли, его к себе в стряпчие с ключом? Для мелких и крупных поручений.

Ему пришлось допить чай одним глотком (ух, и горячий!) и бежать к сестре.

Девочки сидели в шатре на укрытом шкурами топчане, жались друг к другу и пугливо озирались по сторонам. «Словно синички зимой», – подумал Лис.

– Привет. – Он шагнул в круг света масляной лампы. – Ну и кто из вас Зарянка?

Девочки молчали.

Лис наугад ткнул пальцем в одну из них:

– Как тебя зовут?

– Махира, господин.

– Значит, ты – Зарянка? – повернулся он ко второй, но та помотала головой:

– Я тоже Махила, господин.

– Вы смеётесь? Не может быть, чтобы вас звали одинаково.

– Мы сёстры. – Девочки взяли за руки.

Настороженные взгляды исподлобья, тёмные глаза. Не синички. Два затравленных лисёнка.

– Я свой. – Княжич изобразил самую добродушную из своих улыбок. – Старший брат Зарянки. Вы меня не помните?

Первая мотнула головой, а вторая не без ехидцы в голосе выдала:

– А господин, похоже, сам не помнит свою сестлу.

– Так и есть, – решил не отпираться Лис. – Много воды утекло с тех пор, как мы виделись в последний раз. Шестнадцать лет я был... далеко. А потом опасно стало видеться.

– Но нас всё лавно уклали.

– А я вас спас. Значит, мне можно доверять.

– Мама сказала, велить нельзя никому.

На это сложно было что-то возразить, ведь Лис и сам так думал. Даже Маю до конца не открывался. Да что там Маю – и Вертоплясу, хотя любому дураку известно: вороны-вещуны хозяев не предадут.

Полог шатра приоткрылся, и внутрь, хромая, вошла Данэ.

– Я вижу, господин уже встретился с сестрой?

– И да и нет, – развёл руками Лис. – Ты хорошо их воспитала. Молчат как рыбы.

– А разве сердце не подсказывает господину? Не чует родную кровь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.